

АЛИСИЯ РОУДЕН

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ

ЧТО, ЕСЛИ
ТВОИ ВОСПОМИНАНИЯ
НИКОГДА
ТЕБЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛИ?

А. Роуден

Чужая память

«Автор»

2026

Роуден А.

Чужая память / А. Роуден — «Автор», 2026

В мире, где воспоминания можно извлекать, хранить и предъявлять в суде, прошлое кажется самым надёжным доказательством. Пока однажды оно не становится орудием убийства. Адриан Вейл, основатель крупнейшего архива нейронной памяти, найден мёртвым в запертой комнате. Пятеро подозреваемых утверждают, что в момент его смерти находились в других местах. У каждого — безупречное алиби, подтверждённое собственными воспоминаниями. Но эксперт по памяти Слоун Мерсер замечает странность: во всех пяти записях звучат одни и те же три ноты. И за этой крошечной ошибкой скрывается тайна старой лаборатории Orpheus, уничтоженной пожаром двенадцать лет назад. Расследование заставляет Слоун вернуться к делу, которое когда-то разрушило чужую жизнь и поставило под сомнение её собственную профессиональную честность. Кому принадлежит воспоминание, если человек никогда не переживал того, что помнит? И что, если самое страшное преступление — не убийство, а кража чужого прошлого?

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпилог	5
Глава 1. Комната без входа	9
Глава 2. Семь минут	21
Глава 3. Вдова	33
Глава 4. Седьмая комната	43
Глава 5. Человек, который помнил пожар	53
Глава 6. Исходный канал	66
Глава 7. Архив вне архива	76
Глава 8. Гостевой профиль	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Чужая память

Эпилог

Дождь начался ещё до рассвета и к вечеру так и не закончился.

Слоун стояла у окна своей квартиры, наблюдая, как вода стекает по стеклу тонкими извилистыми дорожками. В соседнем доме горело всего несколько окон. На перекрёстке внизу такси наехало на лужу, окатив тротуар, и женщина с бумажным пакетом раздражённо отступила под козырёк магазина.

Обычный вечер. Обычный город.

Впервые за последние недели Слоун пыталась убедить себя, что мир действительно способен вернуться к обычной жизни.

На столе позади неё лежала папка с документами по делу Адриана Вейла. Бумажные копии, распечатки журналов доступа, фотографии архивного помещения. Она попросила передать ей всё, что разрешили раскрыть после завершения расследования, хотя прекрасно понимала, что вряд ли когда-нибудь снова откроет эту папку.

Слишком многое уже было сказано.

Селест Вейл арестовали через два дня после того, как Слоун передала Роуэну Хейлу результаты повторной экспертизы. Сначала Селест отрицала свою причастность. Затем перестала отвечать на вопросы. На третьем допросе она попросила воды, долго держала стакан обеими руками и наконец спросила, нашла ли Слоун оригинальную запись.

Не спросила, что именно та обнаружила.

Не поинтересовалась, доказано ли убийство.

Только спросила об оригинале.

Роуэн рассказывал об этом уже после допроса, сидя напротив Слоун в пустом кабинете. Он тогда сказал, что люди часто задают неправильные вопросы, когда боятся услышать правильный ответ.

Слоун возразила, что это звучит как фраза из дешёвого детектива.

Роуэн усмехнулся.

— Возможно. Но ты ведь всё равно запомнила.

Она запомнила.

Как запомнила и то, что Селест не произнесла ни слова о Маре Куинн.

Эта часть расследования оставалась незавершённой. Официальное заключение допускало, что Мара участвовала в эксперименте Continuity. В архивах нашлись косвенные подтверждения её присутствия в Orpheus, но ни одной записи, которая позволила бы восстановить её дальнейшую судьбу. Не обнаружилось ни свидетельства о смерти, ни документа о выезде из страны, ни медицинской карты, ни даже достоверной фотографии после пожара.

Будто однажды человек вошёл в здание, а затем мир забыл оставить о нём хоть что-нибудь.

Слоун больше не пыталась объяснить это себе.

Она слишком хорошо знала, как легко желание найти ответ превращается в готовность принять первый подходящий.

На следующий день после ареста Селест дело Дэниела Рена официально передали на пересмотр. Это произошло не быстро и не так торжественно, как могло бы показаться со стороны. Потребовались дополнительные запросы, независимые экспертизы и несколько неприятных разговоров с людьми, которые предпочли бы, чтобы старое решение суда осталось нетронутым.

Слоун подписала заявление о пересмотре собственного заключения.

В документе не было ни оправданий, ни попытки переложить ответственность на суд или тогдашние методы исследования. Она указала лишь то, что могла подтвердить: экспертиза установила подлинность нейронного источника, но не могла доказать, что изображённые на записи действия совершил именно Рен.

Она перечитала текст трижды перед отправкой.

На четвёртый раз исправила одну запятую.

И нажала кнопку.

Это не вернуло Дэниела к жизни. Не исправило двенадцать лет, проведённых им в заключении. Не заставило людей, которые подписывали обвинение, внезапно признать собственную вину. Но теперь в официальном деле существовало то, чего не было раньше: сомнение, которое уже нельзя было убрать, не оставив следа.

Слоун решила, что пока этого достаточно.

Телефон завибрировал на столе.

Она не обернулась сразу. Последние дни каждый незнакомый номер вызывал у неё раздражение. Журналисты, адвокаты, сотрудники архивов — все хотели услышать её версию событий. Некоторые просили объяснить технологию. Другие спрашивали, действительно ли пять человек могли помнить одно и то же, не понимая, что их воспоминания связаны.

Она перестала отвечать на неизвестные вызовы.

Но на этот раз пришло уведомление из профессиональной системы запросов.

Новый материал ожидает экспертной оценки.

Слоун нахмурилась.

После завершения дела она временно приостановила приём заказов. Её профиль должен был быть недоступен для новых обращений. Видимо, кто-то из администраторов снова допустил ошибку — за последнюю неделю такие мелочи случались чаще обычного.

Она подошла к столу и открыла сообщение.

Отправитель не указан.

Вместо имени стоял короткий идентификатор, который система не смогла связать ни с одним зарегистрированным пользователем. Сам запрос содержал всего одну строку:

Требуется установить происхождение воспоминания. Оригинальность записи не подтверждена.

Слоун уже собиралась закрыть сообщение, но заметила прикрепленный файл.

Название состояло из одного символа: **0**.

Она не сразу нажала на него.

В квартире было тихо. За стеной кто-то включил телевизор, и сквозь гул дождя донёсся смех записанной на экране аудитории. Слоун вдруг подумала, что за последние недели почти перестала слышать подобные звуки. Весь мир словно существовал где-то за пределами её расследования, за дверью, которую она забыла открыть.

Она села.

Файл оказался необычайно маленьким. Одна короткая аудиозапись без сопроводительных данных. Система не смогла определить ни исходное устройство, ни место извлечения, ни использованный протокол.

В верхней части экрана горело время создания.

Слоун перестала дышать на несколько секунд.

Файл был создан спустя несколько часов после смерти Адриана Вейла.

Она проверила дату ещё раз. Затем открыла технические свойства записи, сверила временную метку с журналом сервера и отправила себе копию. Всё совпадало.

Это не доказывало, что воспоминание было создано именно в тот момент. Файл могли перенести, скопировать или зарегистрировать задним числом. Но система указывала, что его впервые обнаружили после смерти Адриана.

Слоун подключила наушники.

Запись длилась одиннадцать секунд.

Сначала раздался негромкий щелчок, похожий на звук старого выключателя. Потом — шелест, едва различимый, словно кто-то провёл пальцами по ткани. Слоун увеличила громкость.

На шестой секунде прозвучали три ноты.

Она сняла наушники.

Воспоминание из Orpheus.

Тот же интервал. Та же едва слышная шероховатость на второй ноте. Тот же короткий провал, который невозможно было услышать без специальной обработки.

Слоун включила запись снова.

Три ноты.

Она проверила спектр, затем сравнила его с фрагментом, извлечённым из Memory Zero. Разница была настолько незначительной, что её можно было объяснить копированием исходного сигнала. И всё же между двумя записями обнаружилось одно отличие: после третьей ноты в новом файле оставался короткий остаточный импульс.

Слоун несколько минут пыталась понять, что именно он ей напоминает.

Потом выключила свет в комнате и оставила на экране только график сигнала.

Импульс повторялся.

Не случайный шум. Не технический дефект. Кто-то записал его намеренно или, по крайней мере, знал, что он там окажется.

Она открыла систему запросов и посмотрела на строку сообщения. Ответить отправителю было нельзя. Не было ни обратного адреса, ни цифровой подписи. Запрос поступил через временный шлюз, который автоматически удалял сведения о маршруте.

Слоун уже видела нечто подобное в Mnemos Archive.

Не в общей системе. В закрытом контуре Orpheus.

Она не стала пытаться восстановить маршрут. Вместо этого сохранила исходный файл на отдельном носителе, отключила устройство от сети и записала время получения материала в бумажный журнал.

Только после этого снова надела наушники.

Три ноты прозвучали в третий раз.

Затем последовал голос.

Мужской. Низкий, немного хриплый. Слишком короткий фрагмент, чтобы уверенно определить возраст или личность говорившего.

— Доктор Мерсер.

Слоун замерла.

Голос произнёс её имя без вопросительной интонации, будто обращался к человеку, которого давно ждал.

После короткой паузы запись продолжилась:

— Дэниел Рен не был единственным человеком, чьё воспоминание вы признали подлинным.

Слоун медленно сняла наушники.

В комнате было так тихо, что она слышала, как капля дождя ударилась о металлический отлив за окном.

Она не двигалась.

Первой мыслью было позвонить Роуэну. Второй — проверить, не являлась ли запись монтажом. Третьей она не дала сформироваться.

Слоун открыла список старых заключений, подписанных ею за годы работы, и начала просматривать даты.

Их было много. Сотни.

Она не знала, какое из них искать.

Не знала даже, действительно ли голос говорил о её профессиональной ошибке или пытался заставить её поверить в новую ложь.

Но теперь у неё было то, чего не было в начале дела Адриана Вейла: запись, которую можно исследовать, и вопрос, на который нельзя ответить одним заключением.

За окном продолжал идти дождь.

Слоун закрыла папку Дэниела Рена и положила рядом новый носитель. На белой наклейке она написала дату, время и одно слово:

Ноль.

Потом задумалась и добавила ниже:

Проверить источник. Не содержание.

Она отложила ручку.

На этот раз она не собиралась делать выводы раньше, чем узнает, что именно ей предъявили.

Даже если для этого придётся заново проверить всю свою жизнь.

Глава 1. Комната без входа

В 23:41 Адриан Вейл получил сообщение от человека, которого не было в его телефонной книге.

Сообщение состояло из семи слов.

Вы нашли не то воспоминание. Не продавайте его.

Адриан прочитал его дважды, затем положил телефон экраном вниз.

За панорамным окном кабинета шумел дождь. Вода стекала по стеклу широкими полосами, и ночной Астервик расплывался за ними, превращаясь в беспорядочную россыпь белых и красных огней. На сорок втором этаже башни Mnemos Archive город казался декорацией, созданной для людей, которым давно не приходилось беспокоиться о том, что находится у них под ногами.

Адриан любил этот вид. Он любил тишину своего кабинета, дорогую мебель, безупречный порядок на столе и уверенность в том, что любая проблема имеет цену, после уплаты которой перестаёт быть проблемой.

За последние двенадцать лет он привык покупать почти всё.

Воспоминания о первых поцелуях. Последние слова умерших. Забытые лица родственников. Мгновения, которые их владельцы предпочли бы никогда не переживать. Люди приносили в Mnemos самое сокровенное, подписывали соглашения о конфиденциальности и уходили, убеждая себя, что ничем не рискуют, пока не могут вспомнить, что именно отдали.

Адриан не разделял их тревог.

Он считал, что секрет принадлежит тому, кто способен за него заплатить.

До сегодняшнего вечера.

Он снова взял телефон и проверил отправителя. Номер отсутствовал. Система определяла источник как временный шлюз, подключённый через несколько промежуточных серверов. Технически установить владельца было возможно, но только если тот допустил ошибку.

Адриан позвонил Малкольму Риду.

— Ты ещё в здании?

— Да.

— Проверь внешний контур связи. Сейчас.

— Что случилось?

— У нас утечка.

На другом конце возникла короткая пауза.

— Какая именно?

— Если бы я знал, я бы не просил тебя проверить.

Малкольм не стал спорить.

Адриан завершил вызов и открыл нижний ящик стола. Внутри, под несколькими папками, лежал тонкий металлический ключ с выцарапанным номером семь. Ключ не подходил ни к одному современному замку в здании. Он был изготовлен двенадцать лет назад для помещений лаборатории Orpheus, где Адриан тогда работал ещё не владельцем крупнейшего архива человеческих воспоминаний, а человеком, которому доверяли больше, чем следовало.

Он давно решил, что прошлое осталось там, под обугленными балками и слоем пепла.

Пока в его распоряжении не появилась запись.

Адриан включил настольный экран и открыл зашифрованный каталог. На чёрном фоне высветился единственный файл.

M-00.

В графе владельца значилось: *не установлено*.

В графе даты извлечения — двенадцать лет назад.

В графе истории обработки — пустота.

Это было невозможно. Даже удалённые фрагменты оставляли следы в системных журналах. Любое извлечение требовало регистрации оборудования, идентификации оператора и подтверждения целостности исходного материала. Существовали исключения для закрытых исследований, но даже там сохранялись внутренние метки.

У М-00 не было ничего.

Адриан заплатил за этот файл больше, чем стоило небольшое здание в центре Астервика. Не потому, что верил продавцу, а потому, что тот назвал имя, которое Адриан не слышал с тех пор, как закрылась Orpheus.

Мара Куинн.

Имя, которое исчезло из всех документов.

Имя, которого не должно было существовать.

На экране появился запрос на воспроизведение.

Адриан не нажал на него.

Впервые за много лет он боялся узнать, что находится внутри купленного им воспоминания.

В 23:46 дверь кабинета открылась.

На пороге стояла Селест.

Она не постучала. Никогда не стучала, если считала, что имеет право войти.

— Ты ещё здесь, — сказала она.

— Как видишь.

— Ты обещал, что сегодня вернёшься раньше.

Адриан убрал металлический ключ в карман.

— Изменились обстоятельства.

Селест посмотрела на экран. Адриан успел свернуть каталог, но она заметила название файла.

Он понял это по тому, как на секунду изменилось её лицо. Не страх. Не удивление. Что-то более короткое и неприятное — узнавание.

— Что это? — спросила она.

— Рабочий материал.

— У тебя больше нет рабочих материалов, которые требуют подобной осторожности.

— У меня есть много вещей, о которых ты не знаешь.

— Не сомневаюсь.

Она вошла в кабинет и закрыла дверь.

Селест была одета в чёрное платье и длинное пальто, с которого ещё не успела стряхнуть капли дождя. Свет падал на её лицо сбоку, подчёркивая резкую линию скул. Её волосы были собраны на затылке, а на левой руке блестело тонкое кольцо, которое Адриан подарил ей в первую годовщину их брака.

Она носила его всегда.

Иногда Адриану казалось, что это было единственное, что в их отношениях осталось неизменным.

— Ты нашёл запись? — спросила она.

Он не ответил.

Селест слегка склонила голову.

— Значит, нашёл.

— Кто тебе сказал?

— Никто.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Ты уже третий день не отвечаешь на вопросы о продаже архива Orpheus. Джулиан говорит, что ты отменил встречу с покупателем. Вивьен Шоу прислала запрос на закрытую коллекцию, а ты распорядился отказать ей, хотя ещё неделю назад собирался продать ей половину материалов. Сегодня Малкольм дважды проверял нижний уровень здания. И теперь ты сидишь здесь после полуночи с таким лицом, будто увидел собственную могилу.

Адриан посмотрел на неё.

— Ты слишком внимательно следишь за моей работой.

— Кто-то должен следить за тем, что ты делаешь с нашей компанией.

— Компанией, — повторил он. — Конечно.

Селест проигнорировала насмешку.

— Что содержится в записи?

— Не твоё дело.

Она долго смотрела на него. Затем подошла к двери.

— Адриан.

Он не поднял головы.

— Если ты собираешься открыть её, — сказала Селест, — сначала убедись, что знаешь, кого собираешься впустить.

Дверь закрылась.

Адриан остался один.

Он не знал, что беспокоило его сильнее: угроза, скрытая в словах незнакомца, или то, что Селест, судя по всему, уже знала о М-00.

В 00:03 он открыл файл.

Воспоминание длилось семь минут и двенадцать секунд.

Первые несколько мгновений экран оставался чёрным. Затем изображение дрогнуло, появились белые стены, металлическая дверь и узкий стол, на котором лежали три предмета: стеклянный стакан, бумажный конверт и небольшой прибор с треснувшим корпусом.

Адриан наклонился ближе.

Комната была ему незнакома. По крайней мере, он не помнил, чтобы когда-нибудь находился в ней.

Воспоминание продолжалось.

В кадре появились руки. Человек сидел за столом, но его лица не было видно. Он снял часы, положил их рядом со стаканом и открыл конверт. Внутри находилась фотография.

Изображение на ней оказалось размытым, однако Адриан различил очертания нескольких фигур и, на заднем плане, знак лаборатории Orpheus.

Затем человек заговорил.

— Если вы смотрите это, значит, они всё-таки нашли архив.

Адриан застыл.

Голос был ему знаком.

Он не мог определить чей.

— Вы совершили ошибку, когда решили, что память принадлежит тому, кто её хранит, — продолжил человек. — Она принадлежит тому, кто способен вспомнить, что было до неё.

На записи послышался тихий щелчок.

Три ноты.

Короткая мелодия, едва различимая на фоне шума.

Адриан почувствовал, как напряглись мышцы шеи.

Он слышал её раньше. Не в музыке и не в разговоре. Где-то в глубине памяти, в месте, куда он много лет не позволял себе заглядывать.

Человек на записи поднял голову.

Лицо по-прежнему оставалось за пределами кадра.

— Ты знаешь, что они сделали с Марой, — сказал он.

Адриан резко нажал на паузу.

Сердце билось слишком быстро.

Он вернулся к началу фрагмента. Просмотрел его снова. На третьем повторе заметил в правом нижнем углу едва различимую временную метку, которая не соответствовала дате извлечения. На четвёртом — след другого изображения, наложенного на основную запись.

Он открыл технический анализ.

Система сообщила, что файл не содержит признаков монтажа.

Адриан посмотрел на надпись и впервые за много лет захотел, чтобы компьютер ошибся.

Он не заметил, как прошло несколько минут.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение от Малкольма.

Внешний контур чист. Никаких подключений, которые могли бы объяснить отправку.

Нужно проверить внутреннюю сеть.

Адриан написал в ответ:

Ничего не трогай. Я спускаюсь.

Он скопировал файл на переносной носитель, отключил его от компьютера и убрал в карман. Затем взял металлический ключ.

Перед тем как выйти, он снова посмотрел на застывшее изображение человека за столом.

— Кто ты? — спросил Адриан.

Из динамиков не донеслось ни звука.

Он выключил экран.

И впервые за двенадцать лет отправился в нижний архив не для того, чтобы что-то спрятать.

В 01:17 система безопасности зафиксировала, что Адриан Вейл вошёл в архивный сектор D.

В 01:19 он отключил голосовое сопровождение системы.

В 01:23 дверь комнаты реставрации воспоминаний закрылась за ним.

В 01:41 произошло последнее зарегистрированное действие его личного пропуска.

После этого Адриан Вейл исчез из цифровой истории собственного здания.

В 06:12 Малкольм Рид получил автоматическое уведомление о нарушении протокола закрытия нижнего архива.

Он прочитал сообщение ещё до того, как вышел из лифта.

Несколько секунд Малкольм стоял неподвижно, глядя на экран. Потом убрал телефон в карман и пошёл к лестнице. По дороге он трижды пытался связаться с Адрианом.

Все три вызова остались без ответа.

В коридоре нижнего уровня было холоднее, чем обычно. Вентиляция работала на минимальной мощности, а свет включался с небольшой задержкой, оставляя перед Малкольмом короткие полосы темноты.

Он приложил пропуск к панели.

Дверь открылась.

Внутри горели два потолочных светильника. Третий мигал, отчего длинные стеллажи с архивными модулями казались движущимися. В глубине помещения находилась комната реставрации — небольшое пространство, предназначенное для работы с повреждёнными носителями памяти.

Её дверь была закрыта.

Малкольм не сразу заметил, что панель доступа погасла.

— Адриан?

Ответа не последовало.

Он активировал ручной режим и ввёл служебный код.

Система приняла его не с первого раза.

На второй попытке замок щёлкнул.

Малкольм толкнул дверь.

Адриан сидел в кресле у рабочего стола.

Голова была чуть наклонена вправо. Одна рука лежала на подлокотнике, другая свисала почти до пола. На нём была та же тёмная рубашка, в которой он появился в здании накануне вечером. Верхняя пуговица расстёгнута. На запястье — часы.

Ни крови, ни разбросанных предметов, ни следов борьбы.

На столе стоял пустой стакан.

Малкольм подошёл ближе.

— Адриан?

Он коснулся его плеча.

Тело было холодным.

Малкольм отёрнул руку и отступил на шаг. В течение нескольких секунд он смотрел на кресло, словно ожидал, что Адриан сейчас откроет глаза и потребует объяснить, почему его разбудили.

Потом Малкольм вызвал экстренную службу.

В 06:19 он сообщил о смерти основателя Mnemos Archive.

В 06:24 заблокировал доступ к нижнему сектору.

В 06:31 система безопасности автоматически создала отчёт об инциденте.

Отчёт содержал все необходимые сведения: личность погибшего, время обнаружения, состояние помещения, журнал доступа и предварительную информацию о последнем сеансе работы.

В отчёте не было одного.

Ни одна система не могла объяснить, как Адриан оказался в комнате, дверь которой не открывалась после 01:23.

Слоун Мерсер не любила звонки до семи утра.

Это было не суеверие и не особенность характера. Просто ранние звонки редко приносили хорошую новость, а плохие новости имели привычку разрушать даже тщательно спланированный день.

Телефон зазвонил в 06:47.

Слоун открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, глядя на потолок.

Дождь всё ещё стучал по карнизу. В комнате пахло остывшим кофе и бумагой. На письменном столе лежали три нераспечатанных конверта, рядом стояла чашка с засохшим тёмным кольцом на дне. Вчера она собиралась разобрать почту после ужина, но вместо этого просидела до двух часов ночи за заключением по делу о коммерческом мошенничестве.

Телефон продолжал звонить.

Она протянула руку к тумбочке.

— Мерсер.

— Доктор Мерсер? Роуэн Хейл. Отдел убийств Астервика.

Голос был низким, ровным и слегка хриплым, будто его владелец давно перестал рассчитывать на полноценный сон.

Слоун села на кровати.

— Что произошло?

— Пока не установлено. Но у нас есть погибший, закрытое помещение и цифровое алиби, которое не сходится с физическими доказательствами.

— Тогда вам нужен судебный медик.

— Судебный медик уже здесь.

— Криминалист?

— Тоже.

— И что вам нужно от меня?

Хейл замолчал на секунду.

— Человек умер в здании Mnemos Archive. Мы нашли несколько записей его последнего вечера. Они показывают, что он находился в другом месте.

Слоун потёрла переносицу.

— Записи видеонаблюдения?

— В том числе.

— Тогда я не понимаю, зачем вы звоните специалисту по воспоминаниям.

— Потому что видеозаписи — не единственные записи, которые мы нашли.

Она посмотрела на часы.

06:48.

— Чьё воспоминание?

— Погибшего.

Слоун молчала.

— Доктор Мерсер?

— Я слышу вас.

— Мне сказали, вы можете определить, подвергалась ли память вмешательству после извлечения.

— Могу.

— А можете установить, действительно ли человек пережил то, что запечатлено в его памяти?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

На другом конце возникла пауза.

— Совсем?

— Я могу исследовать структуру записи, установить её происхождение в пределах доступных данных, определить признаки обработки и некоторые несоответствия. Но подлинный нейронный след не является безусловным доказательством того, что человек лично пережил событие. Если вы ищете способ доказать, что человек находился в комнате, потому что его память содержит изображение этой комнаты, вы звоните не по адресу.

— Я ещё ничего не пытался доказать.

— Вы позвонили мне в семь утра.

— Время семь утра, — согласился Хейл. — Значит, у нас обоих уже есть повод быть недовольными.

Слоун впервые за разговор слегка улыбнулась.

— Где вы находитесь?

— Mnemos Archive. Северная башня, вход для персонала. Я пришлю пропуск и документы на допуск.

— Мне понадобятся исходные файлы. Не экспортированные копии и не отчёт, составленный сотрудниками архива. Исходные данные, журналы доступа, протоколы извлечения и полный список тех, кто мог к ним прикоснуться.

— Я подготовлю.

— И никто не должен открывать записи до моего приезда.

— Поздно, — сказал Хейл.

Слоун закрыла глаза.

— Кто их открыл?

— Не знаю. Но человек, который первым обнаружил тело, утверждает, что ничего не просматривал.

— Это не ответ.

— Именно поэтому я и позвонил.

Слоун сбросила звонок после того, как получила адрес и код доступа. Она не стала проверять новости, хотя почти сразу увидела уведомление на экране: *Основатель Mnemos Archive найден мёртвым при невыясненных обстоятельствах.*

Имя погибшего было указано в заголовке.

Адриан Вейл.

Слоун знала его лично. Не настолько хорошо, чтобы назвать другом, но достаточно, чтобы помнить его привычку не задавать вопросов, если он уже решил, каким должен быть ответ.

Они встречались два года назад на экспертной конференции, где Адриан выступал с докладом о будущем коммерческого хранения воспоминаний. После выступления он предложил ей возглавить независимую комиссию по проверке архивных процедур Mnemos.

Слоун отказалась.

Тогда она объяснила, что не хочет работать на компанию, которая продаёт человеческую память как предмет коллекционирования.

Адриан ответил, что память всегда была предметом торговли, просто раньше в сделках не использовались договоры.

Она сказала, что это не оправдание.

Он улыбнулся.

— Нет, доктор Мерсер. Это рынок.

Больше они не разговаривали.

Теперь он был мёртв, а кто-то решил, что его воспоминания могут понадобиться полиции.

Слоун поднялась с кровати.

Через двадцать минут она уже ехала по мокрым улицам Астервика. Город просыпался медленно. За запотевшими окнами автобусов люди держали бумажные стаканы с кофе, возле пекарни на углу разгружали ящики, а у перехода молодой мужчина пытался укрыть от дождя маленькую собаку, прижав её к груди под курткой.

Слоун смотрела на всё это и думала о звонке Хейла.

Цифровое алиби.

Погибший, которого не должно было быть в комнате.

Воспоминание, содержание которого могло противоречить физическим доказательствам.

Она уже встречала подобные дела. Обычно причина оказывалась прозаической: ошибка временной синхронизации, неправильная маркировка носителя, повреждённый файл или человеческая небрежность, которую впоследствии пытались представить как заговор.

Сложные технологии не делали людей умнее.

Они лишь позволяли им совершать более дорогие ошибки.

Но была одна деталь, которая не давала ей покоя.

Хейл не сказал, что запись была ложной.

Он сказал, что она показывала погибшего в другом месте.

Это означало, что он уже видел несоответствие. И, вероятно, решил, что оно заслуживает отдельного специалиста.

Когда автомобиль остановился у северной башни Mnemos Archive, было 07:26.

Башня возвышалась над соседними зданиями, почти полностью скрытая низкими облаками. Внизу стояли две полицейские машины и чёрный фургон судебной службы. За прозрачными дверями главного входа двигались люди в форменной одежде.

Слоун предъявила удостоверение.

Охранник сверился со списком и вернул документ без улыбки.

— Доктор Мерсер. Вам нужно пройти к служебному лифту. Детектив Хейл ожидает на минус третьем уровне.

— А вы знаете, что произошло?

Мужчина посмотрел на двери лифта.

— Я знаю только то, что мне разрешили знать.

— Полезный навык.

— На этой работе он спасает место.

Он провёл её через турникет и приложил карту к панели. Лифт спускался медленно, почти беззвучно. Цифры над дверью сменялись одна за другой: минус один, минус два, минус три.

Слоун почувствовала лёгкое давление в ушах.

Когда двери открылись, её встретил Роуэн Хейл.

Он оказался выше, чем она ожидала. На нём было тёмное пальто, под которым виднелась белая рубашка без галстука. Его волосы были влажными от дождя, а под глазами залегли тени. В правой руке он держал бумажный стакан, к которому, судя по виду, давно не притрагивался.

— Доктор Мерсер.

— Детектив.

Он протянул ей прозрачный пакет с пропуском.

— Перед тем как мы войдём, мне нужно, чтобы вы кое-что поняли. В здании нет очевидных признаков проникновения. Жертва была обнаружена в закрытой комнате. Время смерти пока предварительное. Система утверждает, что последняя подтверждённая активность Адриана Вейла произошла почти за пять часов до обнаружения тела.

— А медицинская оценка?

— Проводится.

— Причина смерти?

— Не установлена.

— Следы борьбы?

— Не обнаружены.

— Орудие убийства?

— Пока нет.

Слоун посмотрела на него.

— Вы перечисляете мне то, чего не знаете.

— Я предпочитаю начинать с этого. Так меньше шансов, что кто-нибудь назовёт предположение фактом.

Она впервые оценила его чуть внимательнее.

— Хорошая привычка.

— Не всегда полезная для карьеры.

Хейл повёл её по коридору. На стенах не было ни картин, ни указателей, только гладкие серые панели и встроенные светильники. Здесь пахло озоном, чистящим раствором и чем-то холодным, металлическим.

У двери с обозначением D-04 он остановился.

— Комната реставрации воспоминаний. Адриан Вейл был найден внутри. Доступ открыли вручную, хотя помещение не сообщало о нарушении герметизации.

— Герметизации?

— Так это называют инженеры.

— А что называете вы?

— Дверью, которая должна оставаться закрытой.

Слоун посмотрела на панель доступа.

— Кто вошёл последним?

— Сам Вейл. В 01:23.

— А кто вышел?

— Никто.

Она подняла глаза.

— Никто?

— По данным системы.

— Значит, либо он не вышел, либо система не зафиксировала выход.

— Именно.

— А вы уже проверили, могла ли дверь открыться без регистрации?

— Проверяем.

Слоун не стала отвечать. Она надела перчатки и вошла в комнату.

Первое, что она заметила, — порядок.

Не естественный порядок рабочего пространства, в котором человек действительно работал, а состояние, будто помещение подготовили к демонстрации. Стол был чистым, кроме стакана и небольшого прибора у дальней стены. Кресло стояло почти точно по центру рабочего места. Ни одного упавшего предмета. Ни одной сдвинутой панели. Кабели были аккуратно убраны в каналы.

Адриан сидел неподвижно.

Слоун не приблизилась сразу. Она оглядела потолок, вентиляционную решётку, дверные петли, панели доступа. Затем посмотрела на стеклянную стену, за которой находился основной архивный сектор.

На первый взгляд всё было обычным.

Именно это её насторожило.

— Вы сказали, что тело обнаружил Малкольм Рид? — спросила она.

— Начальник службы безопасности. Да.

— Он знал погибшего лично?

— Работал на него семь лет.

— Кто ещё находился на этом уровне ночью?

— Пока мы установили пятерых сотрудников с подтверждённым доступом, включая Рида. Остальные говорят, что покинули здание до полуночи.

— Вы им верите?

— Я пока никому не верю.

Слоун подошла к столу, не касаясь предметов.

Стакан был пуст. На внутренней стороне остался мутный след, будто вода испарилась неравномерно. На правом краю стола лежал тонкий прямоугольный предмет, похожий на переносной носитель. Его поверхность была абсолютно чистой.

— Это нашли здесь?

— Нет, — сказал Хейл. — Носитель обнаружили в кармане Вейла. Пока не удалось установить, что на нём хранится.

— Почему?

— Он зашифрован.

— Это понятно. Я спрашиваю, почему вы решили, что это важно.

Хейл посмотрел на предмет.

— Потому что Вейл был человеком, который не носил с собой ничего случайного.

Слоун запомнила ответ, хотя пока не знала почему.

Она обошла кресло и осмотрела руки погибшего. Пальцы были расслаблены. На коже не было заметных повреждений. Часы остановились на 01:41, но это ещё ничего не доказывало: механизм мог выйти из строя по любой причине.

Слоун наклонилась ближе.

— Кто снимал часы?

— Никто. Судебный медик попросил оставить всё как есть до первичного осмотра.

— Хорошо.

Она посмотрела на экран, встроенный в стену. Он был выключен, но на поверхности сохранился отпечаток ладони.

— Что здесь запускали перед смертью?

— По журналу — сеанс восстановления файла. Продолжительность не указана.

— Файл?

— Администраторы пока не установили, какой именно.

Слоун медленно выдохнула.

— Вы сказали, что нашли записи последнего вечера.

— Да.

— Я хочу увидеть их.

Хейл достал планшет.

— Есть одна запись с личного устройства Вейла. И две записи, извлечённые из других источников. Мы пока не знаем, связаны ли они между собой.

— Почему?

— Потому что в одной из них Вейл присутствует в помещении, которое физически находится на другом конце города. В другой он, по всей видимости, вообще не выходит из собственного кабинета.

Слоун подняла голову.

— В одно и то же время?

— В течение одного временного интервала.

— Насколько точно?

— Семь минут.

Она посмотрела на тело.

Впервые с момента входа в комнату ей показалось, что Адриан Вейл не просто умер при загадочных обстоятельствах.

Кто-то позаботился о том, чтобы после его смерти никто не смог уверенно сказать, где он находился.

— Покажите мне исходные файлы, — сказала она.

Хейл протянул планшет.

Первым открылось изображение кабинета Адриана, снятое внутренней камерой наблюдения. На экране Вейл сидел за столом, просматривал документы и время от времени поглядывал на телефон. Картинка была чёткой, без заметных пропусков. В верхнем углу отображалась временная метка: 01:26.

Слоун сверила её с журналом доступа.

— В 01:23 он вошёл в архивный сектор.

— Верно.

— Через три минуты он находится в кабинете на сорок втором этаже.

— Да.

— И вы считаете, что кто-то подделал запись?

— Я считаю, что один из этих фактов неверен. Пока не знаю какой.

Слоун увеличила изображение.

Адриан что-то сказал, обращаясь к человеку за пределами кадра. Затем повернул голову влево и улыбнулся.

Улыбка была короткой, естественной, почти незаметной.

Слоун просмотрела фрагмент ещё раз.

— Кто находится за кадром?

— Не знаем.

— Звук есть?

— В этой копии нет.

— Почему?

— Камера не записывала аудио.

Она вернулась к началу. На протяжении следующих двадцати секунд Адриан перелистывал документы, открывал ящик и что-то доставал. Движения выглядели плавными. Не было видимых скачков, обрывов или повторов.

— Вы проверяли временную метку на самом устройстве?

— Проверяем.

— Сама система может менять время?

— Теоретически.

— А практически?

— У нас нет зарегистрированных случаев.

Слоун остановила воспроизведение.

— Тогда не начинайте с версии о подделке. Сначала установите, когда файл появился в системе, кто имел к нему доступ и можно ли доказать, что его временная метка соответствует реальному времени.

Хейл кивнул, но не забрал планшет.

— Посмотрите вторую запись.

Она открыла другой файл.

Теперь на экране была небольшая комната с белыми стенами. Адриан стоял возле стола, на котором лежал открытый конверт. Лицо было повёрнуто в сторону камеры. Он что-то говорил, но звука не было.

В углу отображалось время: 01:33.

Слоун не сразу заметила фон.

За спиной Адриана находилась дверь. На ней были нанесены два узких вертикальных обозначения, одно над другим. Она видела подобные метки раньше — в лабораторных помещениях, оборудованных для работы с первичными нейронными носителями.

— Откуда эта запись?

— Из частного архива, связанного с Вейлом.

— Где находится помещение?

— Мы пока не знаем.

— Кто предоставил файл?

— Запись была найдена в закрытом каталоге. Последний запрос к нему поступил от учётной записи Вейла.

Слоун увеличила изображение. В правом нижнем углу мелькнуло что-то похожее на отражение часов. Она остановила кадр.

— Это не время записи, — сказала она.

— Почему?

— Потому что часы в отражении показывают другое время.

Хейл наклонился к экрану.

— Вы уверены?

— Нет. Но я хочу проверить.

Она открыла сведения о файле. Метаданные были неполными. Источник обозначался кодом, который не совпадал с действующими каталогами Mnetos.

Слоун почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она видела этот формат раньше.

Не на работе. Не в документах, доступных экспертам.

В архивных материалах старого уголовного дела, которое двенадцать лет назад изменило её карьеру.

Orpheus.

Слоун закрыла файл и вернула планшет Хейлу.

— Мне нужны все данные по этому материалу. Без редактирования. И я хочу знать, кто ещё его открывал.

— Вы узнаете формат?

Она посмотрела на него.

— Пока нет.

— Вы ведь узнали.

— Я сказала, что мне нужны данные.

Хейл изучал её несколько секунд, но не стал настаивать.

Слоун снова взглянула на Адриана Вейла.

На первый взгляд он выглядел человеком, который умер в одиночестве, сидя за рабочим столом. Но две записи помещали его в разные места в одно и то же время, а одна из них несла следы системы, которую официально прекратили использовать двенадцать лет назад.

Она ещё не знала, кто из подозреваемых лжёт.

Не знала, кто имел доступ к архиву.

Не знала, был ли убит Адриан Вейл именно здесь.

Но теперь у неё появился вопрос, который не позволял просто назвать дело очередной технической ошибкой.

Если одна из записей была создана в Orpheus, почему она появилась в архиве Вейла спустя двенадцать лет после пожара?

И почему Адриан хранил её так, будто боялся, что кто-то придёт за ней?

Слоун направилась к двери.

У самого выхода она остановилась.

— Детектив.

Хейл обернулся.

— Вы сказали, что Малкольм Рид первым обнаружил тело.

— Да.

— Спросите его, почему он не вызвал полицию сразу.

— Он вызвал экстренную службу в 06:19.

— Я знаю. Тело обнаружили в 06:12. Почему прошло семь минут?

Хейл не ответил.

Слоун посмотрела на него ещё мгновение.

— И ещё. Никому не говорите, что я узнала код Orpheus.

— Почему?

— Потому что я пока не знаю, что именно я узнала.

Она вышла в коридор.

За спиной осталась комната, в которой всё выглядело так, будто ничего не произошло.

Именно это Слоун теперь пугало больше всего.

Глава 2. Семь минут

— Малкольм Рид сейчас в комнате для персонала, — сказал Роуэн Хейл. — Он согласился ответить на вопросы, но попросил присутствия юриста компании.

Слоун шла рядом с ним по коридору нижнего уровня. За их спинами сотрудники криминалистической службы фотографировали помещение D-04, собирали образцы и снимали показания с приборов. Работали они тихо, почти бесшумно, словно находились не на месте убийства, а в лаборатории, где любое лишнее движение могло испортить эксперимент.

— Разумеется, попросил, — ответила Слоун.

— Вас это удивляет?

— Нет. Меня удивляет другое. Если человек обнаруживает основателя компании мёртвым в закрытой комнате, он либо немедленно вызывает экстренную службу, либо тратит несколько минут на попытку понять, что произошло. Оба варианта естественны. Но Малкольм, судя по всему, успел сделать нечто ещё.

— Например?

— Этого я пока не знаю. Поэтому хочу с ним поговорить.

Хейл посмотрел на неё искоса.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которых впервые видите?

— Как?

— Будто уже нашли несоответствие и просто ждёте, когда они сами его обнаружат.

— Это экономит время.

— И помогает заводить друзей?

— Я не уверена, что моя работа предполагает такую цель.

Хейл усмехнулся, но тут же снова стал серьёзным.

— Я хочу предупредить вас об одном. Рид здесь не просто начальник охраны. Он отвечает за физическую безопасность всех архивов, включая закрытые коллекции. Если в здании есть способ обойти систему доступа, он должен знать о нём.

— Или должен сделать вид, что не знает.

— Именно.

Они свернули к служебному лифту. Хейл приложил пропуск к панели, и двери разошлись.

— Ещё вопрос, — сказала Слоун. — Вы сообщили кому-нибудь о моей находке?

— О коде Orpheus?

— Да.

— Пока нет.

— Хорошо.

— Но я хотел бы понять, почему вы так резко отреагировали на вторую запись.

Слоун не ответила сразу.

Лифт остановился на этаже, где располагались кабинеты службы безопасности, переговорные и комнаты для персонала. Здесь не было окон. Белые стены, серые двери, длинные световые панели под потолком — всё напоминало коридор больницы, в которой давно перестали принимать пациентов.

— Двенадцать лет назад я работала с делом, связанным с этой лабораторией, — сказала она наконец.

Хейл повернул голову.

— Вы упоминали это раньше?

— Нет.

— Почему?

— Потому что пока не вижу оснований.

— А теперь видите?

— Теперь я хочу выяснить, почему запись из закрытого каталога содержит следы системы, которая официально не используется с момента пожара в Orpheus.

— И всё?

— Для начала достаточно.

Двери открылись.

Хейл ничего не сказал, но Слоун заметила, что он запомнил ответ.

Комната, где ожидал Малкольм Рид, была похожа на небольшой офис. Посередине стоял стол, вдоль стены — два дивана, возле двери — автомат с водой и кофе. На столешнице лежали планшет, несколько распечатанных схем здания и бумажная салфетка, смятая в плотный комок.

Малкольм стоял у окна, хотя за ним находилась лишь матовая стеклянная перегородка. Он был высоким, широкоплечим мужчиной с коротко подстриженными волосами. На нём была чёрная рубашка с закатанными рукавами. На правом запястье — массивные часы.

При виде Слоун он выпрямился.

— Доктор Мерсер.

— Мистер Рид.

Они обменялись рукопожатиями. Ладонь Малкольма была сухой и холодной.

— Я не ожидал, что вы приедете так быстро, — сказал он.

— Детектив Хейл сказал, что вы обнаружили тело почти час назад. Я решила не заставлять вас ждать.

Малкольм посмотрел на Хейла.

— Я полагал, что вы поговорите со мной отдельно.

— Доктор Мерсер привлечена к расследованию в качестве независимого эксперта, — ответил детектив. — Её интересуют записи и обстоятельства доступа к ним.

— Тогда мы можем начать с того, что доступ к архивам защищён несколькими независимыми системами, — произнёс Малкольм. — Я лично отвечаю за физическую безопасность здания. Ни один сотрудник не может попасть в закрытые помещения без соответствующего разрешения.

— Кроме вас? — спросила Слоун.

Он перевёл взгляд на неё.

— У меня есть расширенный доступ.

— Значит, вы можете входить в любое помещение?

— Не в любое. Есть комнаты, для которых требуется дополнительное подтверждение.

— Например, D-04?

— Да.

— И вы можете предоставить это подтверждение самостоятельно?

— В аварийном режиме.

Слоун села за стол, не дожидаясь приглашения.

— Расскажите, что произошло сегодня утром. С самого начала.

Малкольм взглянул на Хейла. Тот занял место напротив него и положил на стол диктофон.

— Запись включена, — предупредил он.

— Хорошо, — сказал Малкольм. — В 06:12 я получил автоматическое уведомление о нарушении протокола закрытия архивного сектора. Система сообщила, что в D-04 требуется ручная проверка. Я спустился на нижний уровень, проверил панель доступа и открыл помещение. Адриан находился внутри.

— Вы знали, что он собирается работать ночью? — спросила Слоун.

— Он часто оставался допоздна.

— Это не ответ.

— Да. Я знал, что он в здании.

— Вы видели его после полуночи?

— Нет.

— Разговаривали с ним?

— Последний раз около десяти вечера.

— О чём?

— Он попросил проверить внешний контур связи. Сказал, что подозревает утечку.

Слоун чуть наклонилась вперёд.

— Какую именно утечку?

— Не уточнил.

— Вы задавали дополнительные вопросы?

— Да.

— И?

— Он велел мне проверить систему и не трогать архивы.

— Не трогать какие?

— Все закрытые коллекции.

Слоун переглянулась с Хейлом.

— Вы сказали, что последний раз разговаривали с Вейлом около десяти вечера, — произнесла она. — Но в отчёте указано, что ваше имя присутствует в журнале доступа позднее.

— Я работал в здании.

— Где именно?

— В центральной диспетчерской.

— Весь вечер?

— Практически.

— Кто может это подтвердить?

— Система наблюдения. Диспетчерская оборудована несколькими камерами.

— Я спрашиваю не о камерах. Кто-нибудь видел вас там?

Малкольм помолчал.

— Дежурный оператор ушёл в 23:50.

— Значит, после полуночи вы были там один?

— Да.

— И вы уверены, что никто не входил?

— Да.

— Вы сами выходили?

— Нет.

Слоун записала несколько слов в блокнот.

— Теперь давайте поговорим о семи минутах.

Впервые за разговор выражение лица Малкольма изменилось.

Изменение было почти незаметным: он чуть сильнее сжал пальцы, лежавшие на столе, а затем посмотрел на диктофон.

— Что именно вы имеете в виду?

— Вы обнаружили тело в 06:12. Экстренная служба получила вызов в 06:19. Что вы делали в течение этих семи минут?

— Я проверял состояние Адриана.

— Каким образом?

— Проверил пульс. Попытался установить, есть ли дыхание. Потом вызвал помощь.

— Почему это заняло семь минут?

— Потому что сначала я не был уверен, что он умер.

Слоун посмотрела на него внимательно.

— Вы сказали, что проверяли пульс.

— Да.

— И не почувствовали его?

— Нет.

— Тогда в чём вы не были уверены?

Малкольм поднял глаза.

— Я не врач, доктор Мерсер. Я не могу определить смерть по одному прикосновению.

— Вам не требовалось определять смерть. Вам требовалось вызвать помощь.

— Я вызвал.

— Через семь минут.

— Я уже ответил.

— Нет. Вы объяснили, что проверяли пульс. Но не объяснили, почему после этого не позвонили немедленно.

Он откинулся на спинку стула.

— Я хотел убедиться, что в комнате нет угрозы.

Слоун посмотрела на его руки.

— Какой угрозы?

— Я не знаю. Неисправность оборудования. Повреждённый носитель. Возможно, утечка химических реагентов.

— Вы увидели тело человека, которого знали семь лет, и решили проверить оборудование?

— Я отвечаю за безопасность здания.

— В таком случае вы должны были знать, что при обнаружении человека без признаков жизни необходимо вызвать экстренную службу, не подвергая себя опасности.

— Я знаю протокол.

— И нарушили его?

Малкольм сжал челюсти.

— Я пытался понять, что произошло.

— До того, как вызвать помощь?

— Да.

Слоун закрыла блокнот.

— Тогда вы должны понимать, почему это выглядит странно.

— Мне нечего скрывать.

— Прекрасно. Значит, вы не будете возражать против проверки вашего служебного терминала и личных средств связи за период с полуночи до 06:19.

— Я не могу предоставить вам доступ к личному устройству без соответствующего разрешения.

— Я не прошу вас предоставить его добровольно. Я прошу не уничтожать данные до того, как следствие получит законное разрешение на проверку.

Малкольм посмотрел на Хейла.

— Я не собираюсь ничего уничтожать.

— Тогда проблем не возникнет, — ответил детектив.

Несколько секунд в комнате стояла тишина. Где-то за стеной глухо закрылась дверь.

Слоун достала планшет и открыла журнал событий, который Хейл передал ей по дороге из архива.

— Здесь указано, что в 06:12 система обнаружила нарушение протокола закрытия сектора. Это сообщение поступило на ваш терминал?

— Да.

— И вы сразу спустились?

— Да.

— Сколько времени вам потребовалось, чтобы добраться до D-04?

— Около минуты.

— В лифте?

— На лестнице. Так быстрее.

— Вы открыли дверь вручную?

— Да.

— Система зафиксировала это действие?

— Конечно.

Слоун развернула экран к нему.

— Тогда объясните, почему в журнале нет записи о ручном открытии двери в 06:12.

Малкольм не ответил.

Хейл подался вперёд.

— Что вы имеете в виду?

Слоун указала на временную метку.

— Здесь есть уведомление о нарушении протокола в 06:12. Есть запись о входе Рида в сектор в 06:11. Но нет события, которое должно фиксироваться при открытии двери D-04. Следующая запись относится к вызову экстренной службы в 06:19.

Малкольм уставился на экран.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что ручной режим всегда оставляет след в журнале.

— Всегда?

— Да.

— Даже если система работает неправильно?

— Особенно если она работает неправильно. Аварийный режим записывает событие в независимый контур.

— Который контролируете вы?

— Который контролирует моя служба.

Хейл посмотрел на Слоун.

— Значит, запись могла быть удалена?

— Я пока этого не говорила, — ответила она. — Я говорю, что между уведомлением и вызовом отсутствует событие, которое должно было произойти.

Она снова повернулась к Малкольму.

— Вы помните, как открывали дверь?

— Разумеется.

— Вы приложили пропуск к панели?

— Нет. Она не отвечала.

— И что вы сделали?

— Ввёл аварийный код.

— Какой именно?

— Персональный код начальника службы безопасности.

— Вы набирали его вручную?

— Да.

— Значит, панель должна была зарегистрировать последовательность нажатий.

— Да.

— Но её нет.

Малкольм медленно провёл ладонью по лицу.

— Возможно, произошёл сбой в системе.

— Вы только что сказали, что это невозможно.

— Я сказал, что система всегда фиксирует ручной режим. Но если был сбой...

Он замолчал.

Слоун не стала помогать ему закончить мысль.

— Вы сообщили кому-нибудь о проблеме с журналом?

— Нет. Я только сейчас узнал, что запись отсутствует.

— Вы сохранили уведомление, которое получили в 06:12?

— Оно должно оставаться в системе.

— Вы проверяли?

— Нет.

— Тогда я бы рекомендовала сделать это немедленно.

Хейл отключил диктофон.

— На этом пока закончим.

— Я не закончила, — сказала Слоун.

— Я понимаю. Но нам нужно проверить журналы до того, как кто-нибудь ещё получит к ним доступ.

Она посмотрела на Малкольма.

— Ещё один вопрос. Когда вы вошли в D-04, экран рабочего терминала был включён?

— Нет.

— Были ли какие-нибудь открытые файлы?

— Не помню.

— Но вы находились в комнате достаточно долго, чтобы проверить пульс, убедиться, что Адриан мёртв, осмотреть помещение, а затем вызвать экстренную службу.

Малкольм помрачнел.

— Я не осматривал всё помещение.

— Вы только что сказали, что проверяли его на наличие угрозы.

— Я проверил то, что мог проверить быстро.

— Что именно?

— Дверь. Стол. Оборудование.

— Вы заметили переносной носитель?

Он резко поднял голову.

Это движение оказалось слишком быстрым, чтобы его можно было не заметить.

— Какой носитель?

Слоун смотрела на него несколько секунд.

— Тот, который обнаружили у Адриана Вейла.

— Я не видел его.

— Я ещё не сказала, где его обнаружили.

Малкольм замер.

Хейл медленно повернулся к нему.

— Доктор Мерсер права, — сказал он. — Мы не сообщали вам, где находился носитель.

— Вы говорили, что нашли несколько записей.

— Да. Но о носителе в кармане Вейла мы не говорили.

Малкольм откинулся на спинку стула.

— Возможно, я неправильно понял вопрос.

— Возможно, — согласилась Слоун. — Но я не задавала вам вопроса о местонахождении носителя. Я спросила, заметили ли вы его.

Он ничего не ответил.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошёл мужчина в тёмно-сером костюме с тонкой кожаной папкой в руке.

— Прошу прощения за задержку. Генри Колдуэлл, юридический отдел Mnemos Archive. Он положил папку на стол и посмотрел на Хейла.

— Мистер Рид уведомил меня о намерении следствия получить доступ к закрытым системам компании. Я хотел бы уточнить правовые основания этого запроса.

— Уточните их у прокурора, — сказал Хейл. — Но если обнаружится уничтожение доказательств, мы будем рассматривать это как отдельное нарушение.

Колдуэлл посмотрел на Малкольма.

— Мы можем поговорить наедине?

— Нет, — ответил Хейл. — Допрос не закончен.

— В таком случае я прошу сделать перерыв.

Хейл посмотрел на Слоун. Она едва заметно кивнула.

— Хорошо. Но мистер Рид останется в здании и не будет иметь доступа к системам безопасности без сопровождения сотрудника полиции.

— Вы не можете запретить мне выполнять мои обязанности, — произнёс Малкольм.

— Я могу временно ограничить ваш доступ к потенциальным доказательствам в рамках расследования смерти вашего работодателя. Если у вас есть возражения, обсудите их с прокурором.

Колдуэлл открыл папку.

— Я хотел бы получить копию протокола допроса.

— Получите через установленную процедуру.

— И сведения о привлечённых экспертах.

— Они будут включены в материалы.

Юрист закрыл папку и обратился к Слоун:

— Доктор Мерсер, насколько я понимаю, вы не являетесь сотрудником полиции.

— Верно.

— Тогда прошу уточнить, на каком основании вы участвуете в допросе.

— По запросу следователя.

— И вы проводите независимую экспертизу?

— Пока я изучаю обстоятельства, которые могут иметь значение для исследования цифровых воспоминаний.

— Значит, вы не можете делать выводы о причинах смерти.

— Я и не делаю таких выводов.

Колдуэлл задержал на ней взгляд, будто пытался определить, насколько легко её можно заставить отступить. Затем повернулся к Хейлу.

— Мы предоставим необходимые материалы после согласования объёма запроса.

— Нет, — сказал Хейл. — Вы сохраните все журналы, исходные файлы и резервные копии. Мы подготовим официальный запрос. До его рассмотрения никто не имеет права изменять соответствующие данные.

— Разумеется.

Юрист направился к двери. На выходе он остановился и обратился к Малкольму:

— Я буду ждать вас в кабинете на первом уровне.

После его ухода Малкольм поднялся.

— Я могу идти?

— Пока нет, — ответил Хейл. — Вам необходимо подписать обязательство о сохранении данных и оставить контактную информацию. После этого сотрудник проводит вас в зал ожидания.

Малкольм посмотрел на Слоун.

— Вы ведь понимаете, что я не убивал Адриана.

Она не ответила.

— Я работал на него семь лет, — продолжил он. — Я знал, как он думал, что он скрывал от людей и насколько опасными могли быть его решения. Если бы я хотел его убить, я бы не стал устраивать всё это в здании, за безопасность которого отвечаю лично.

— Вы рассуждаете так, будто преступники всегда действуют рационально, — сказала Слоун.

— Разве не так?

— Нет. Они действуют так, как считают необходимым в конкретный момент. Иногда это разумно. Иногда нет. А иногда преступление совершают люди, которые настолько уверены в собственной безнаказанности, что перестают замечать очевидное.

Малкольм отвёл взгляд.

— Я не знаю, что произошло прошлой ночью.

— Возможно, — ответила Слоун. — Но вы знаете больше, чем рассказали.

Он ничего не сказал.

Через несколько минут его увели.

Хейл дождался, пока дверь закроется, и только тогда повернулся к Слоун.

— Вы специально спросили о носителе?

— Да.

— Вы знали, что он находится в кармане Вейла?

— Вы сами мне это сообщили.

— Но вы не знали, видел ли его Малкольм.

— Именно.

Хейл посмотрел на закрытую дверь.

— Значит, он мог знать о носителе заранее.

— Или просто догадался, что у Адриана было с собой что-то важное. Пока это не доказательство.

— Но он выдал себя.

— Он отреагировал на вопрос, который я не задавала. Это повод проверить его слова, а не объявлять виновным.

Хейл сложил руки на груди.

— Вы всегда так осторожны?

— В моей работе уверенность без доказательств считается дефектом.

— В моей тоже. Но обычно люди пытаются скрывать ложь, когда знают, что она может их погубить.

— Тогда нам нужно выяснить, чего именно он боится.

Слоун собрала планшет и блокнот.

— Вы сказали, что до полуночи несколько сотрудников покинули здание. Я хочу получить их список.

— Зачем?

— Потому что если Малкольм действительно провёл ночь один в диспетчерской, это подтверждается только системой, которую он сам контролирует. Нам нужен независимый источник.

— Вы думаете, кто-то помог ему?

— Я думаю, что человек, который отвечает за безопасность архива, не должен быть единственным источником сведений о том, насколько безопасен архив.

Хейл кивнул.

— Я попрошу список.

— И ещё. Мне нужно увидеть оригинальные записи с камер, а не копии, которые готовила служба безопасности.

— Этим займутся наши специалисты.

— Ваши специалисты проверят данные с точки зрения расследования. Я хочу, чтобы их копии были сохранены отдельно, с указанием времени извлечения и всех операций. Если запись будет изменена даже случайно, мы должны знать об этом.

— Хорошо.

Они вышли из комнаты и направились к лифту.

На полпути Хейлу позвонили. Он остановился, выслушал собеседника и коротко сказал:

— Не открывайте ничего без меня. Я буду через пять минут.

Закончив разговор, он убрал телефон.

— Что-то ещё? — спросила Слоун.

— Селест Вейл приехала в здание.

— Когда?

— Семь минут назад.

Слоун посмотрела на часы.

09:08.

— Она знает о смерти мужа?

— Да. Юридический отдел сообщил ей.

— И она хочет увидеть тело?

— Пока не знаю. Она попросила поговорить со мной.

— Где она сейчас?

— В приёмной на первом уровне.

Слоун помолчала.

— Она часто бывала в архиве?

— Постоянно. По словам сотрудников, у неё широкий доступ к административным системам.

— А к закрытым коллекциям?

— У неё есть полномочия руководителя архивного направления.

— Значит, она могла знать о записи, которую искал Адриан.

Хейл не ответил.

— Вы собираетесь с ней разговаривать? — спросила Слоун.

— Да.

— Тогда я хочу присутствовать.

— Почему?

— Потому что мы пока не знаем, сколько она знает о событиях прошлой ночи. И мне интересно, как она отреагирует, если услышит название Orpheus.

Хейл долго смотрел на неё.

— Вы ведь не собираетесь провоцировать вдову погибшего?

— Я собираюсь задавать вопросы.

— Иногда разница между этими вещами почти незаметна.

— Тогда хорошо, что вы будете рядом.

Они вошли в лифт.

На первом уровне было гораздо оживлённее. Сотрудники Mnemos собирались небольшими группами возле стойки регистрации. Некоторые смотрели в телефоны, другие говорили вполголоса. У главного входа стояла женщина в светлом пальто, держа в руках кожаную сумку.

Селест Вейл выглядела так, будто не спала всю ночь. На лице не было косметики, волосы были собраны небрежнее, чем у Слоун осталось в памяти, но осанка оставалась безупречной.

Она подняла голову, когда Хейл подошёл к ней.

— Детектив.

— Миссис Вейл. Приношу соболезнования.

— Спасибо.

Голос Селест звучал ровно. Ни дрожи, ни сбившегося дыхания. Она произнесла это слово так, словно отвечала на формальное приветствие в офисе.

Хейл указал на Слоун.

— Это доктор Слоун Мерсер. Она помогает нам разобраться с цифровыми записями.

Селест повернулась к ней.

И замерла.

Всего на мгновение. Затем выражение её лица вернулось к прежнему спокойствию.

Слоун заметила это.

— Доктор Мерсер, — сказала Селест.

Она произнесла фамилию без вопроса, будто узнала её раньше, чем Хейл успел представить их друг другу.

— Мы встречались? — спросила Слоун.

— На конференции. Несколько лет назад.

— Возможно.

— Вы выступали с докладом о достоверности воспоминаний.

— Да.

— Адриан часто говорил о ваших исследованиях.

Слоун посмотрела на неё внимательнее.

— Надеюсь, в положительном ключе.

— Адриан редко говорил о людях в положительном или отрицательном ключе. Он говорил о том, насколько они полезны.

Хейл отвёл взгляд, словно не хотел показывать реакцию на эту фразу.

Селест продолжила:

— Я хотела бы узнать, что произошло с моим мужем.

— Расследование только началось, — ответил Хейл. — Пока мы не можем предоставить вам все подробности.

— Я не прошу подробностей. Я хочу знать, как он умер.

— Причина смерти пока не установлена.

— А время?

— Предварительно — в промежутке между одним и двумя часами ночи. Но окончательное заключение ещё не готово.

Селест медленно кивнула.

— Он был один?

Хейл не ответил сразу.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что Адриан не любил оставаться один, когда работал с закрытыми материалами.

Слоун едва заметно повернула голову.

— Какими материалами? — спросила она.

Селест перевела взгляд на неё.

— Я не знаю, что именно он изучал прошлой ночью. Но в последние дни он вёл себя странно. Отменял встречи, закрывал кабинеты, просил не соединять его ни с кем, кроме Малкольма.

— Когда это началось?

— Три дня назад.

— До этого он работал как обычно?

— Нет. Но последние три дня были особенно необычными.

— Он говорил, чего опасается?

— Нет.

— Он упоминал какие-нибудь архивы, записи или имена?

Селест чуть прищурилась.

— Вы задаёте вопросы, которые, насколько я понимаю, относятся к расследованию. Но я не знаю, что вы ищете.

— Мы пока и сами этого не знаем, — ответила Слоун.

Это была не совсем правда.

Она знала, что ищет несоответствие между физическими событиями и воспоминаниями. Знала, что одна из записей связана с Orpheus. И подозревала, что Селест знает больше, чем готова сообщить.

Но она не собиралась произносить это вслух.

Селест взглянула на Хейла.

— Могу я увидеть тело?

— Не сейчас. Судебный медик ещё не завершил первичный осмотр.

— Тогда я хотела бы забрать личные вещи Адриана, когда это будет возможно.

— Они будут переданы вам после оформления.

— Хорошо.

Она помолчала, затем спросила:

— Вы нашли его часы?

Хейл не изменился в лице, но Слоун заметила, как его пальцы сжались вокруг планшета.

— Какие часы? — спросил он.

— Те, которые он носил каждый день. Стальные, на чёрном ремешке.

— Мы пока не обсуждаем отдельные предметы с места происшествия.

— Разумеется.

Селест опустила взгляд на собственное запястье, где блестело тонкое кольцо, надетое поверх рукава. На мгновение Слоун показалось, что она хотела добавить что-то ещё, но передумала.

— Мне нужно позвонить адвокату, — сказала Селест. — Я буду ждать в приёмной.

Она направилась к лифтам.

Слоун смотрела ей вслед.

— Она спросила о часах, — произнесла она, когда Селест отошла достаточно далеко.

— И что? — спросил Хейл.

— Мы не сообщали ей, что часы остановились.

— Она могла знать, что они были на нём.

— Конечно. Но она спросила, нашли ли мы их. Не спросила, сохранились ли они. Не спросила, где они. И не спросила, действительно ли они остановились.

— К чему вы ведёте?

Слоун повернулась к нему.

— Она знала, что часы имеют значение.

Хейл некоторое время молчал.

— Возможно, она просто хочет получить личные вещи мужа.

— Возможно.

— Вы очень любите это слово.

— Оно полезнее, чем «очевидно».

Он усмехнулся.

— Я поговорю с ней отдельно. Вы можете присутствовать, но не вмешивайтесь без необходимости.

— Хорошо.

— И постарайтесь не спрашивать её об Orpheus прямо с порога.

Слоун посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что если она что-то знает, я хочу услышать, как она сама расскажет об этом.

Впервые за утро Слоун почувствовала, что они понимают друг друга без дополнительных объяснений.

Она согласилась.

Но когда Селест исчезла за дверями лифта, Слоун заметила ещё одну деталь.

Женщина не спросила, когда сможет получить вещи мужа.

Она спросила, нашли ли часы.

И прежде чем покинуть приёмную, Селест посмотрела на часы над стойкой регистрации.

На них было 09:17.

Слоун проверила собственный телефон.

Время совпадало.

Она не знала, почему запомнила этот жест. Возможно, он ничего не значил. Возможно, Селест просто хотела знать, сколько времени прошло с момента смерти мужа.

Но в деле, где две записи помещали одного человека в разные места, где дверь не оставила следа своего открытия, а начальник безопасности потратил семь минут на звонок в экстренную службу, даже самые обычные действия могли иметь значение.

Слоун снова открыла блокнот и записала три строки:

06:12 — обнаружение тела.

06:19 — вызов экстренной службы.

01:41 — последние часы Адриана Вейла остановились.

Она посмотрела на третью строку.

Между смертью человека и временем, когда его нашли, могла лежать огромная разница.

Но сейчас их разделяло нечто большее, чем пять часов.

И Слоун начинала подозревать, что кто-то очень хотел, чтобы следствие никогда не узнало, что именно произошло в этот промежуток.

Она закрыла блокнот.

Впереди был разговор с вдовой.

А где-то в глубине Mnemos Archive лежала запись, которую никто не должен был обнаружить.

И чем дольше Слоун думала о ней, тем сильнее ей казалось, что Адриан Вейл умер не потому, что узнал тайну.

Он умер потому, что собирался кому-то её рассказать.

Глава 3. Вдова

Селест Вейл вернулась из лифта через одиннадцать минут.

За это время Роуэн успел получить предварительный отчёт судебного медика, дважды поговорить с дежурным прокурором и отправить запрос на сохранение всех резервных копий Mnemos Archive. Слоун почти не двигалась с места. Она сидела в кресле напротив стойки регистрации и наблюдала за отражениями людей в матовой стеклянной стене.

Когда Селест появилась в коридоре, она уже не выглядела растерянной. Волосы были аккуратно собраны, воротник пальто расправлен, а на губах появился тонкий слой помады. Изменения казались незначительными, однако создавалось впечатление, что женщина успела заново собрать себя по частям и теперь была готова к тому, что её ждёт.

Рядом с ней шёл Генри Колдуэлл.

— Я поговорил с прокурором, — сообщил Хейл. — Мы можем продолжить беседу при вашем юристе. Но я хочу сразу уточнить: пока это добровольный опрос свидетеля, а не предъявление обвинений.

— Мне не в чем признаваться, детектив, — ответила Селест.

— Тогда нам будет несложно разобраться.

Колдуэлл слегка коснулся её локтя.

— Необязательно отвечать на вопросы, которые могут быть истолкованы против вас.

— Я понимаю, Генри.

Она сняла пальто и аккуратно положила его на спинку кресла. Под ним было простое чёрное платье. Никаких украшений, кроме кольца на левой руке. Слоун заметила, что Селест несколько раз повернула его на пальце, прежде чем сесть.

Хейл включил диктофон.

— Запись ведётся с вашего согласия. Вы можете попросить о перерыве в любое время. Всё сказанное будет включено в протокол.

— Начинайте, — сказала Селест.

Он назвал дату, время и присутствующих, после чего положил на стол копию пропуска, выданного Слоун.

— Миссис Вейл, когда вы в последний раз видели мужа живым?

— Вчера вечером. Около девяти.

— Где?

— В его кабинете на сорок втором этаже.

— Вы разговаривали?

— Да.

— О чём?

Селест на секунду задумалась.

— О работе. Он собирался отменить одну из встреч, а я хотела понять, почему. Мы обсуждали предстоящую продажу архивных материалов.

— Каких именно?

— Исторической коллекции.

— Вы можете назвать её точнее?

— Нет.

Хейл подождал, но продолжения не последовало.

— Почему вы не можете?

— Потому что Адриан не сообщил мне полного названия коллекции.

— Вы руководите архивным направлением Mnemos. Вам неизвестно, какие материалы компания собирается продавать?

— Мне известна большая часть коммерческих коллекций. Но далеко не все материалы принадлежат компании или доступны для реализации. Некоторые хранятся по закрытым договорам. Другие являются предметом судебных ограничений. Третьи вообще не должны существовать вне внутреннего контура.

— И к какой категории относилась эта коллекция?

— Я не знаю.

Слоун смотрела на Селест, не вмешиваясь.

Та говорила спокойно, без запинок и заметного напряжения. Однако на слове «существовать» её пальцы на мгновение замерли.

— Вы сказали, что Адриан собирался отменить встречу. С кем он должен был встретиться? — спросил Хейл.

— Он не назвал имени.

— А вы спрашивали?

— Да.

— Что он ответил?

— Что это не имеет отношения к моей работе.

— Вы часто обсуждали рабочие вопросы таким образом?

— В последние годы — всё чаще.

— Почему?

Селест посмотрела на диктофон.

— Потому что наш брак давно перестал быть тем, чем был в начале. Мы жили вместе, управляли одной компанией, появлялись на одних мероприятиях. Но между нами оставалось всё меньше вещей, которые можно было назвать личными.

— Вы были близки?

Колдуэлл шевельнулся, собираясь вмешаться, однако Селест подняла ладонь.

— Когда-то. Потом многое изменилось.

— Что именно?

— Адриан перестал доверять людям. В том числе мне.

— Он говорил об этом прямо?

— Нет. Он просто начал скрывать больше, чем раньше. Сначала встречи. Потом переписку. Затем даже собственные решения.

— И вы не пытались выяснить причину?

— Пыталась. Он сказал, что я слишком интересуюсь тем, что меня не касается.

Селест усмехнулась без тени веселья.

— По иронии судьбы, он был прав. Я действительно слишком интересовалась.

Слоун посмотрела на неё внимательнее.

— Чем именно? — спросила она.

Хейл повернулся к эксперту, но не остановил её.

Селест перевела взгляд на Слоун.

— Вы ведь не собираетесь задавать мне вопросы о браке вместо детектива?

— Нет. Мне интересно, о чём Адриан не хотел с вами говорить. Особенно если это связано с материалами, которые он изучал перед смертью.

— Вам кажется, что он погиб из-за работы?

— Мне пока ничего не кажется.

— Удобная позиция.

— Единственная, которая позволяет не делать выводы раньше времени.

Селест помолчала.

— В последние дни он много работал с архивами, которые не входили в текущие проекты компании. Он не объяснял, что именно ищет. Несколько раз просил меня не открывать старые каталоги и не отвечать на запросы, поступающие от внешних покупателей.

— Он назвал кого-нибудь из этих покупателей?

— Одного человека.

— Кого?

— Вивьен Шоу.

Хейл сделал запись.

— Почему он запретил вам отвечать на её запросы?

— Не объяснил.

— Они были знакомы?

— Да. Вивьен покупала у Мнемос редкие воспоминания. В основном записи, связанные с историческими событиями, личными архивами известных людей и закрытыми коллекциями.

— Она работала непосредственно с Адрианом?

— Иногда. Он сам занимался наиболее дорогими сделками.

— Вы считаете, у неё был мотив причинить ему вред?

— Я не знаю, детектив. Я не могу представить, что кто-то пришёл в здание и убил моего мужа. Но я также не могу исключить, что у него были враги, о которых я ничего не знала.

Слоун отметила, как легко Селест произнесла слово «враги».

Не «человек, который его убил».

Не «тот, кто это сделал».

Враги — понятие широкое и безопасное. Оно не требует ни имени, ни конкретного обвинения.

Хейл задал ещё несколько вопросов о работе Адриана, его привычках и отношениях с сотрудниками. Селест ответила, что муж часто оставался в здании допоздна, не предупреждал о своих планах и мог несколько дней подряд заниматься одним материалом, забывая обо всём остальном.

— Как часто он работал в нижнем архиве? — спросила Слоун.

Селест посмотрела на неё.

— Иногда.

— Раз в неделю? Раз в месяц?

— Я не считала.

— А вчера?

— Что вчера?

— Вы знали, что он собирается спуститься туда?

Селест медленно покачала головой.

— Нет.

— Вы сказали, что разговаривали с ним около девяти вечера. Он упоминал, чем собирается заниматься после вашего ухода?

— Нет. Он лишь попросил меня не ждать его дома.

Хейл поднял глаза.

— Вы жили вместе?

— Да.

— Тогда почему вы ушли без него?

— Потому что он собирался остаться на работе. Это случалось не впервые.

— Вы часто уходили домой раньше?

— Последние несколько месяцев — почти каждый вечер.

Слоун посмотрела на руки Селест. Кольцо снова повернулось на пальце.

— Когда вы покинули здание?

- Около десяти.
- Точнее?
- Не могу сказать. Возможно, в десять без нескольких минут.
- Вы пользовались личным автомобилем?
- Такси.
- Почему?
- Мой водитель был в отпуске.
- Вы помните, какой автомобиль приехал?
- Нет.
- Сколько времени заняла дорога до дома?
- Около двадцати минут.
- И вы оставались там до утра?
- Да.

Селест отвечала слишком уверенно, чтобы это можно было принять за обычную попытку вспомнить подробности вечера. Но уверенность сама по себе ничего не доказывала. Человек мог прекрасно помнить события, которые не имели отношения к преступлению, и ошибаться в том, что считал самым важным.

- Кто-нибудь может подтвердить, что вы находились дома? — спросил Хейл.
- Консьерж. Камеры у входа. Записи лифта. Всё, что вы сочтёте необходимым.
- Вы согласны предоставить их для проверки?
- Конечно.

Колдуэлл чуть наклонился к ней.

- Селест, мы обсудим объём предоставляемых данных отдельно.
- Генри, я не собираюсь скрывать, где находилась прошлой ночью.
- Я не утверждаю обратного. Но вы не обязаны открывать всю личную переписку только потому, что следствие попросило это сделать.

Хейл дождался, пока юрист закончит.

— В таком случае мы направим официальный запрос на сведения о вашем перемещении. Сейчас мне нужно уточнить ещё один момент. Во сколько вы в последний раз связывались с мужем?

Селест ответила не сразу.

- Кажется, около десяти вечера.
 - Вы только что сказали, что ушли из здания в это время.
 - Я позвонила ему уже из машины.
 - Вы уверены, что разговор состоялся?
 - Да.
 - О чём говорили?
 - Я спросила, когда он вернётся. Он ответил, что не знает.
 - Сколько длился разговор?
 - Минуту. Может быть, две.
 - Вы сохранили вызов?
 - Должен сохраниться в журнале телефона.
 - Мы запросим его отдельно. Вы можете процитировать слова Адриана?
 - Нет. Он сказал, что задержится, и попросил меня ложиться спать без него.
- Слоун заметила, как Селест вновь повернула кольцо.
- Он звучал испуганным? — спросила она.
 - Нет.
 - Злым?
 - Скорее раздражённым.

— Он упоминал сообщение, которое получил вечером?

Селест подняла глаза.

— Какое сообщение?

Вопрос прозвучал естественно, но Слоун услышала в нём нечто, чего не было в остальных ответах. Селест не спросила, о каком сообщении идёт речь. Она сразу спросила, какое именно сообщение им известно.

Хейл пока не заметил этой разницы.

— Мы изучаем электронную переписку Адриана. Пока не можем сказать, имело ли конкретное сообщение отношение к его смерти.

— Тогда я не понимаю, чем могу помочь.

— Он сообщал вам о каких-либо угрозах?

— Нет.

— Получал письма, звонки, предупреждения?

— Я уже сказала, что он скрывал от меня часть своей работы.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении в последние дни?

Селест опустила взгляд.

— Он несколько раз проверял часы.

— Часы? — переспросил Хейл.

— Да. Карманные часы, которые лежали у него в ящике стола. Он давно ими не пользовался. Достал их несколько дней назад и, кажется, пытался починить.

— Почему вы запомнили именно это?

— Потому что они были сломаны. Адриан редко занимался вещами, которые нельзя было просто заменить.

— Вы видели их вчера?

— Нет. Но он говорил о них в воскресенье.

Слоун почувствовала, как внутри возникло знакомое ощущение: маленькая деталь, которая пока не имела значения, но почему-то не хотела оставаться на своём месте.

— Что это были за часы? — спросила она.

— Старые механические. Они принадлежали его отцу.

— Они не работали?

— По-моему, отставали.

— Вы знаете, где они сейчас?

— Нет.

Слоун не стала задавать следующий вопрос. Ей не хотелось смешивать карманные часы из рассказа Селест с наручными, найденными на запястье Адриана. Это были разные предметы, и пока никакой связи между ними не существовало.

Но она записала оба упоминания.

Хейл вернулся к разговору о событиях прошлой ночи.

— Миссис Вейл, вы сказали, что муж в последнее время скрывал от вас информацию. Могли ли вы получить доступ к его закрытым материалам без его ведома?

— В рамках моих полномочий — к некоторым, да. Но я никогда не пыталась получить доступ к тому, что он лично закрыл.

— Почему?

— Потому что знала, что обнаружу то, чего мне не следовало видеть.

— Вы не считаете, что это могло помочь понять его действия?

— Помочь — возможно. Но Адриан был человеком, который воспринимал любое вмешательство как предательство. Если бы он обнаружил, что я открыла его архив, то решил бы, что я перешла черту.

— Вы боялись его?

Селест взглянула на Хейла, и на этот раз в её лице мелькнуло настоящее раздражение.

— Нет, детектив. Я не боялась своего мужа.

— Я спросил не о физическом страхе.

— А я ответила на ваш вопрос.

Колдуэлл положил ручку на стол.

— Думаю, нам стоит сделать перерыв.

— Конечно, — сказал Хейл. — Пять минут.

Запись приостановили.

Селест встала и подошла к автомату с водой. Она налила себе стакан, сделала один глоток и поставила его обратно, почти не отпив. Колдуэлл что-то тихо сказал ей, но она покачала головой.

Слоун осталась за столом, перечитывая собственные записи.

Когда она подняла глаза, Селест стояла напротив.

— Вы ведь работали с воспоминаниями, которые невозможно было объяснить? — спросила вдова.

— Я работала с записями, которые не соответствовали другим доказательствам.

— И что вы делали?

— Устанавливала, в чём заключается несоответствие.

— А если запись выглядела безупречно? Если она была подлинной, не подвергалась обработке, не содержала следов вмешательства? Вы бы ей поверили?

Слоун отложила ручку.

— Я бы поверила, что запись подлинная.

— Это не то же самое, что поверить в событие.

— Нет. Не одно и то же.

Селест несколько секунд смотрела на неё.

— Адриан говорил, что вы единственный эксперт, который понимал эту разницу.

Слоун почувствовала лёгкое напряжение в груди.

— Когда он вам это сказал?

— Не помню. Давно.

— Он объяснил, почему так считал?

— Нет.

— А вы знаете, к какой записи он меня отсылал?

— Нет, доктор Мерсер. Я не знаю, что именно мой муж искал в последние дни. И если бы знала, возможно, сейчас не сидела бы здесь.

Селест вернулась на своё место.

Слоун посмотрела на Хейла. Тот наблюдал за вдовой, не скрывая заинтересованности.

— Продолжим? — спросила Селест.

Диктофон снова включили.

Хейл перешёл к вопросам о доступе к архиву.

— Вы когда-нибудь работали с материалами лаборатории Orpheus?

Селест не пошевелилась.

Только её правая рука, до этого лежавшая на столе, медленно сдвинулась к краю.

— Нет, — ответила она.

Слоун смотрела на неё.

— Никогда? — уточнил Хейл.

— Я знаю о существовании лаборатории. Но лично с её материалами не работала.

— Адриан был связан с ней?

— Да.

— Как именно?

— Он участвовал в одном из исследований. Это было до основания Mnemos.

— Вы знали, что происходило в лаборатории?

— В общих чертах.

— А о пожаре?

— Конечно. Все знали о пожаре.

Хейл выдержал паузу.

— Вам известно имя Мара Куинн?

Селест посмотрела на него.

Это был первый раз за всё утро, когда она не смогла скрыть реакцию сразу.

Её лицо не изменилось настолько, чтобы человек, не наблюдавший за ней несколько десятков минут, мог заметить что-то необычное. Но Слоун видела, как вдова перестала вращать кольцо, как её пальцы замерли на столе и как на долю секунды она перевела взгляд не на Хейла, задавшего вопрос, а на Слоун.

— Нет, — сказала Селест.

— Вы уверены?

— Да.

— Вам никогда не встречалось это имя в документах?

— Нет.

— Возможно, оно связано с лабораторией Orpheus.

— Тогда, думаю, вы должны спрашивать об этом доктора Моро. Он руководил лабораторией. Я не имею отношения к старым экспериментам.

— Мы обязательно поговорим с доктором Моро, — ответил Хейл.

Он не стал задавать следующий вопрос.

Слоун понимала почему. Селест уже назвала человека, который мог оказаться гораздо более удобным подозреваемым. Она направила разговор к Моро, но не сказала ничего, что можно было бы использовать против неё самой.

И всё же Слоун не могла отделаться от ощущения, что имя Мары Куинн прозвучало в комнате не впервые.

Не для неё.

Для Селест.

— Миссис Вейл, — сказала Слоун. — Перед смертью ваш муж мог иметь при себе носитель с архивной записью. Вы знаете, что это могло быть?

— Нет.

— Вы не замечали, чтобы он носил с собой какие-либо устройства?

— Адриан постоянно носил носители. Большинство из них были зашифрованы.

— У него были привычные способы хранения информации?

— Он пользовался собственным архивом. Иногда — физическими носителями.

— Как часто он оставлял их без присмотра?

— Никогда, если материал имел значение.

Слоун чуть наклонила голову.

— Значит, если носитель оказался у него в кармане, это не было случайностью?

Селест задержала взгляд на ней.

— Я не знаю, где именно вы нашли этот носитель.

В комнате стало тихо.

Хейл медленно повернулся к Слоун.

Она ничего не сказала.

Селест продолжила:

— Я имела в виду, что мой муж не был беспечным человеком. Если он что-то носил с собой, значит, собирался этим воспользоваться.

— Мы не говорили, что носитель находился в кармане, — произнёс Хейл.

— Вы сказали, что нашли его у Адриана.

— Я сказал, что мы нашли цифровые записи. О переносном носителе я не говорил.

Селест опустила глаза на свои руки.

— Возможно, я неправильно поняла вопрос.

Колдуэлл вмешался:

— Если у вас есть вопросы, касающиеся конкретных предметов, прошу направить их официально. Сейчас мы обсуждаем обстоятельства, известные моей клиентке.

Хейл отключил диктофон.

— На этом пока закончим.

— Я могу идти? — спросила Селест.

— Да. Мы свяжемся с вами, если понадобится дополнительная информация.

Она надела пальто, застегнула его и взяла сумку. Колдуэлл открыл дверь, пропуская её вперёд.

Уже на пороге Селест обернулась к Слоун.

— Доктор Мерсер.

— Да?

— Если вы действительно хотите понять, что произошло с моим мужем, не начинайте с его врагов.

— А с кого?

Селест на мгновение задержала взгляд на ней.

— С того, кому он доверял.

Она вышла.

Дверь закрылась.

Хейл ещё несколько секунд смотрел в пустой коридор, затем повернулся к Слоун.

— Вы думаете, она знает, что произошло?

— Я думаю, она знает больше, чем рассказала.

— Это не одно и то же.

— Именно.

Слоун собрала блокнот и поднялась.

— Она знала о носителе.

— Или догадалась.

— Возможно. Но она не просто уточнила, нашли ли мы его. Она начала объяснять, почему Адриан мог носить его с собой, хотя мы не сообщали ей, что именно нашли.

— Это можно трактовать по-разному.

— Поэтому я и не предлагаю задерживать её.

Хейл помрачнел.

— Вы всё время защищаете людей от собственных выводов.

— Я защищаю расследование от собственных выводов.

Он посмотрел на диктофон.

— Тогда что вы предлагаете?

— Получить записи с её домашней системы. Проверить время прибытия, время выхода, журналы доступа к квартире. Затем сопоставить всё это с данными Mnemos и с тем, что мы знаем о последних часах Адриана.

— Если её алиби подтвердится?

— Это будет означать, что её алиби подтверждено теми источниками, которые мы проверили. Не больше.

— А если она откажется предоставить воспоминание?

Слоун замерла.

— Какое воспоминание?

Хейл посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Её собственное. Люди с частными архивами часто сохраняют фрагменты личных событий. Если Селест действительно провела ночь дома, у неё может быть запись соответствующего периода.

— Она ничего не говорила о личном архиве.

— Пока не говорила. Но если такая запись существует, это может помочь установить её местонахождение.

Слоун задумалась.

Личные архивы не были обязательными. Некоторые клиенты Mnemos сохраняли почти каждый значимый эпизод жизни, другие обращались к системе только для извлечения воспоминаний, которые собирались передать или продать. У состоятельных людей нередко существовали приватные коллекции, защищённые от внешнего доступа.

Однако наличие записи не гарантировало, что она показывала именно то, что утверждал её владелец.

— Если она предоставит фрагмент, мы должны получить его непосредственно из исходного хранилища, — сказала Слоун. — Не через экспорт, подготовленный её юристом или сотрудниками Mnemos. Нам понадобится история обработки, сведения об исходном устройстве и полный журнал доступа.

— Я добавлю это в запрос.

— И не упоминайте пока три ноты.

— Какие три ноты?

Слоун посмотрела на него.

— В том файле, который мы обсуждали. Я хочу проверить, повторяется ли этот фрагмент в других источниках. Если кто-то вмешивался в записи, предупреждать подозреваемых об обнаруженных признаках вмешательства неразумно.

Хейл кивнул.

— Хорошо. Мы не будем сообщать об этом никому, кроме тех, кому необходимо знать для экспертизы.

Слоун направилась к выходу, но у двери остановилась.

— Роуэн.

Он поднял голову. Это был первый раз, когда она назвала его по имени.

— Да?

— Вы сказали, что Адриан мог доверять кому-то из сотрудников. Кому именно?

— Малкольму. Возможно, Джулиану Кроссу. Иногда — Селест, хотя в последние месяцы они редко работали вместе.

— А вы сами кого бы назвали?

Хейл некоторое время молчал.

— Человека, который понимал, что Адриан собирается сделать. Не обязательно того, кто любил его. И не обязательно того, кто хотел его смерти.

— Это очень широкий круг.

— В таком деле иначе не бывает.

Слоун взглянула на часы.

10:02.

За стеклянными дверями Mnemos Archive дождь почти прекратился. По мокрому тротуару шли люди, не подозревая, что несколько этажей под землёй уже много часов лежит тело человека, чья жизнь превратилась в набор противоречивых записей.

Она подумала о словах Селест.

Начните с того, кому он доверял.

Это могло быть предупреждение. Попытка направить следствие. Или всего лишь горькое замечание женщины, которая после смерти мужа обнаружила, что ничего о нём не знала.

Но была ещё одна деталь.

Когда Хейл назвал имя Мары Куинн, Селест посмотрела на Слоун.

Не на следователя.

На неё.

Слоун не могла доказать, что взгляд что-то значил. Не могла даже уверенно сказать, что не ошиблась. Но она давно усвоила: наблюдение, которое нельзя пока использовать как доказательство, не обязательно следует выбрасывать.

Она записала в блокноте имя Селест Вейл, затем рядом вывела:

Мара Куинн — реакция на имя. Проверить повторно.

Под записью она добавила ещё одну строку:

Личный архив. Запросить исходный фрагмент.

Когда Слоун закрыла блокнот, телефон завибрировал.

Сообщение пришло от неизвестного отправителя.

Никакого текста. Только фотография.

На снимке был металлический стол, белая стена и маленький прибор с треснувшим корпусом. Такой же, как на записи, которую Адриан Вейл открыл в ночь своей смерти.

В нижнем углу изображения стояла дата.

Двенадцать лет назад.

Слоун увеличила фотографию.

На стене за столом виднелась табличка с номером помещения.

ORPHEUS — 07.

Она почувствовала, как холодеют пальцы.

Затем пришло второе сообщение.

Не спрашивайте Селест о том, что она помнит.

Слоун перечитала фразу.

Телефон не показывал номера отправителя. Невозможно было определить, откуда пришло сообщение и когда была сделана фотография. Она немедленно сохранила оба файла и отправила Хейлу.

Ответ пришёл почти сразу.

Не отвечайте. Ничего не удаляйте. Я иду к вам.

Слоун снова посмотрела на изображение.

На столе рядом с прибором лежал бумажный конверт. На его поверхности кто-то написал от руки одно слово.

MARA.

Она знала, что не должна делать выводы по одной фотографии.

Но в тот момент впервые за всё утро подумала, что Адриан Вейл мог искать не просто запись из старого архива.

Возможно, он искал человека.

И если Мара Куинн действительно существовала, то кто-то очень хотел, чтобы это имя так и осталось забытым.

Глава 4. Седьмая комната

Роуэн Хейл появился через шесть минут.

Он шёл так быстро, что едва не столкнулся с сотрудником службы безопасности у поворота. Увидев Слоун, остановился, перевёл дыхание и протянул ей руку.

— Телефон.

Она передала ему устройство.

— Я не отвечала на сообщение.

— Хорошо. Вы открывали ссылку?

— Это была фотография. Никакой ссылки.

— Загружали файл на компьютер?

— Нет. Только сохранила изображение.

Хейл передал телефон человеку в гражданской одежде, который следовал за ним. Слоун видела его раньше внизу, возле архивного сектора, но имени не знала.

— Нолан Прайс, отдел цифровой криминалистики, — представил его детектив. — Он займётся вашим телефоном. Мы сделаем копию сообщения, сохраним исходные данные и попробуем установить маршрут доставки.

— На устройстве нет ничего, что могло бы объяснить, кто отправил сообщение, — сказала Слоун. — Отправитель скрыт, номер отсутствует.

— Это мы и собираемся проверить.

Прайс аккуратно поместил телефон в защитный пакет.

— Вы получали от этого отправителя другие сообщения?

— Нет.

— Раньше приходили похожие уведомления?

— Нет.

— Вы знаете, кто мог знать, что вы исследуете запись Orpheus?

Слоун посмотрела на Хейла.

— Вы, Малкольм Рид, сотрудники, которые обрабатывали файлы, и, возможно, несколько человек в Mnetos. Я не обсуждала это за пределами здания.

— А фотографию вы кому-нибудь показывали?

— Только вам.

Прайс кивнул и отошёл к ближайшему столу, где уже раскрыл небольшой переносной комплект для проверки электронных устройств.

Хейл отвёл Слоун в сторону.

— Теперь рассказывайте всё с самого начала.

Она показала ему сообщение, не касаясь экрана, и рассказала, когда оно пришло, что находилось на фотографии и какие детали удалось различить. Потом открыла блокнот на странице, где записала номер комнаты.

— Вы уверены, что там именно ноль семь? — спросил он.

— Да. На табличке написано ORPHEUS, ниже — 07.

— Может быть, это номер оборудования?

— Нет. Расположение цифр указывает на обозначение помещения.

— Вы работали в этой лаборатории?

— Нет. Я изучала материалы дела после пожара.

— Тогда откуда вы знаете, как они обозначали комнаты?

Слоун вынула из сумки папку с распечатками, которую захватила утром. Между копиями экспертных заключений лежал старый план лаборатории Orpheus. Это была не архитектурная

схема в привычном смысле, а чертёж внутренней организации объекта, приложенный к материалам по делу Дэниела Рена.

Она разложила документ на столе.

— В официальном плане шесть экспериментальных помещений, — сказала Слоун. — Номера идут с первого по шестой. После них расположен технический коридор и хранилище оборудования. Седьмой комнаты нет.

Хейл изучил схему.

— Но на фотографии она есть.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так думали.

Он поднял на неё глаза.

— Вы считаете фотографию подделкой?

— Я считаю, что мы не можем пока определить, что именно она доказывает. На ней может быть настоящее помещение с неверной подписью. Может быть копия старого изображения. Может быть реконструкция. А может, сама фотография подлинная, но её содержание неверно истолковано.

— Вы всегда находите способ не делать выводов?

— В этом и заключается моя работа.

Хейл снова опустил взгляд на план.

— Если седьмой комнаты нет, почему кто-то прислал фотографию именно вам?

— Потому что я узнаю Orpheus. Или потому что отправитель думает, что узнаю.

— И фраза про Селест?

Слоун вспомнила сообщение.

Не спрашивайте Селест о том, что она помнит.

Эта формулировка беспокоила её больше самой фотографии. Не «не говорите с Селест», не «не доверяйте Селест», не «она причастна». Отправитель выделил конкретное действие — спрашивать женщину о её воспоминаниях.

— Мы должны выяснить, что именно отправитель хочет предотвратить, — сказала она.

— Или заставить нас сделать, — добавил Хейл.

Она кивнула.

— Да. Если кто-то пытается управлять расследованием, самое опасное — начать выполнять его указания только потому, что они выглядят разумными.

— Тогда мы поговорим с Селест.

— Но сначала проверим фотографию и план.

Хейл посмотрел на часы.

— Сотрудники уже проверяют журналы доступа. В течение часа я смогу получить список тех, кто работал с закрытыми каталогами перед смертью Вейла.

— Мне нужен не только список сотрудников. Проверьте, кто запрашивал документы по Orpheus за последние три месяца. Архитектурные планы, отчёты о пожаре, старые судебные материалы — всё, что связано с лабораторией.

— Вы думаете, кто-то готовил это заранее?

— Адриан искал старую запись. Селест знала, что он чем-то занят. Кто-то отправил мне фотографию помещения, которого нет на официальном плане. Я не знаю, связаны ли эти события, но было бы странно не проверить.

— Хорошо.

Хейл позвонил своему помощнику и коротко перечислил необходимые запросы. После разговора он вернулся к столу, где Нолан Прайс уже закончил первичную проверку телефона.

— Есть что-нибудь? — спросил детектив.

Прайс снял очки.

— Пока только то, что изображение поступило через временный шлюз. Данные об отправителе отсутствуют. Пакет был передан в виде вложения, не как ссылка. Само изображение не содержит исходных метаданных камеры.

— Удалённых?

— Возможно. Но нельзя установить, были ли они изначально. Файл мог пройти через несколько систем обработки, прежде чем попасть к адресату.

— А время создания?

— На сервере зарегистрировано время получения. Внутренней временной метки изображения нет.

Слоун наклонилась к экрану.

— Есть признаки изменения самой фотографии?

— Я пока не обнаружил очевидных следов монтажа. Освещение, края предметов и перспективные линии выглядят согласованными. Но это только предварительная оценка. По изображению небольшого разрешения невозможно достоверно установить ни подлинность сцены, ни дату съёмки.

— Можете восстановить маршрут доставки?

— Я попробую. Однако временный шлюз использовал несколько промежуточных узлов. Если они были настроены правильно, цепочка может оборваться до источника.

— А если была настроена неправильно?

— Тогда у нас появится шанс.

Он вернулся к работе.

Слоун снова посмотрела на изображение. На этот раз внимание привлекла не табличка и не конверт, а край металлического стола. Поверхность была повреждена длинной царапиной. Царапина начиналась возле переднего угла и уходила к стене, словно тяжёлый предмет сдвинули по металлу.

— Увеличьте вот этот участок, — попросила она.

Прайс увеличил изображение.

На краю стола виднелся полукруглый след, почти скрытый тенью. Он мог быть пятном, отражением или дефектом поверхности.

— Что там? — спросил Хейл.

— Не знаю. Но мне кажется, это не часть прибора.

— Почему?

— Прибор стоит ближе к стене. След находится с другой стороны. Если его оставил какой-то предмет, то этот предмет должен был располагаться между камерой и столом.

Прайс увеличил контраст.

В полукруге проступила вторая линия, короткая и почти параллельная первой. Теперь след напоминал отпечаток круглого основания.

Слоун достала план лаборатории.

— В старых экспериментальных помещениях использовали переносные стойки для нейронных считывателей. Основания у них были круглые. Но по одному отпечатку нельзя сказать, что именно стояло на этом столе.

— Значит, это не улика, — заключил Хейл.

— Пока это деталь, которую нужно проверить.

— Вы называете уликами только то, что можно доказать?

— Я называю уликами то, что помогает отличить одну версию от другой. Иначе у нас будет коллекция интересных совпадений, а не расследование.

Прайс повернул экран к ним.

— Есть кое-что ещё.

Он открыл техническое представление файла. Внизу окна появилась последовательность небольших блоков, которые обозначали области изображения.

— Посмотрите на края, — сказал он. — Я не могу определить, изменяли ли саму сцену, но файл несколько раз перекодировали. Это видно по распределению шумов и сжатия. Причём участок вокруг таблички отличается от соседних областей.

Хейл наклонился.

— Значит, табличку добавили?

— Не обязательно. Возможно, именно этот участок взяли из другого изображения. Но возможна и другая причина: табличку отдельно обрабатывали, чтобы повысить читаемость. По имеющимся данным я не могу выбрать между этими вариантами.

Слоун почувствовала, как первая уверенность уступает место раздражению.

Она хотела получить хотя бы одну твёрдую зацепку — не ещё один набор гипотез.

— Если бы вы обнаружили, что табличка была добавлена позже, — спросила она, — это означало бы, что комнаты не существует?

— Это означало бы, что нам нельзя использовать табличку как доказательство того, что комната называлась именно так. Само помещение при этом может существовать.

— А если изображение действительно снято в Orpheus?

— Тогда нам потребуется независимое подтверждение.

— Например?

— Другая фотография, видеозапись, план, показания человека, который там бывал. Любой источник, не происходящий из этого файла.

Слоун снова развернула план лаборатории.

— Значит, нам нужен независимый источник.

Хейл посмотрел на неё.

— Какой?

Она постучала пальцем по папке.

— Оригиналы материалов дела Рена.

Архив судебных доказательств находился в старом административном здании на западной окраине Астервика. Его построили задолго до появления Mnemos, когда документы хранили в бумажных папках, а доступ к секретным материалам обеспечивали тяжёлые двери и металлические шкафы.

Здание не перестраивали много лет. В холле пахло влажным камнем и старой бумагой. Под потолком гудели вытяжные решётки. У стойки дежурного сидел мужчина с седыми висками, который поднял голову только после того, как Хейл назвал своё имя.

— По делу Дэниела Рена? — переспросил он.

— Да. Нам нужны материалы, связанные с пожаром в Orpheus и экспертизой памяти.

Дежурный посмотрел на компьютер.

— Дело закрыто.

— Мы проводим проверку в связи с новым расследованием.

— Тогда потребуется запрос от прокурора.

Хейл достал документы.

— Запрос уже направлен. Вот копия распоряжения о сохранении материалов и разрешение на предварительный осмотр.

Мужчина внимательно изучил бумаги, затем позвонил кому-то по внутреннему телефону. После короткого разговора он записал их фамилии в журнал и выдал два временных пропуска.

— Архивист будет через несколько минут. Пока ждите здесь.

Слоун села на деревянную скамью у стены.

— Вы бывали здесь раньше? — спросил Хейл.

— Один раз. Когда готовила первоначальное заключение по делу Рена.

— Вы лично осматривали материалы?

— Да.

— А почему сейчас хотите вернуться к ним?

Слоун открыла папку, которую принесла с собой.

— Потому что отчёты, которые у меня сохранились, неполные. В частности, в копии плана Orpheus нет приложений по техническим помещениям. Я хочу проверить, были ли они в оригинале.

— Вы не помните, что видели их двенадцать лет назад?

Она посмотрела на него.

— Я помню, что изучала план. Но не помню, чтобы мне предоставляли отдельную схему технических помещений.

— Это существенно?

— Если на фотографии действительно изображён седьмой сектор, то существенно. Если нет — нам всё равно нужно знать, почему эта деталь появилась.

Через несколько минут к ним подошла женщина лет пятидесяти с короткими светлыми волосами. На шее у неё висел пластиковый пропуск, а в руках она держала планшет и связку ключей.

— Эвелин Прайс, старший архивист. Вы запрашивали материалы по Orpheus?

— Да, — ответил Хейл. — Дело Дэниела Рена.

Эвелин задержала взгляд на Слоун.

— Вы доктор Мерсер?

— Да.

— Ваше заключение есть в деле. Вы ведь были одним из экспертов, которые подтвердили подлинность памяти Рена?

— Я подтверждала подлинность исходного нейронного материала.

Эвелин слегка приподняла брови.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

— В суде это объясняли иначе.

— В суде объясняли то, что позволяли тогдашние методы и доступные данные.

Эвелин не стала спорить. Она развернулась и повела их по коридору.

— Материалы хранятся в третьем секторе. Часть документов о пожаре была засекречена. Некоторые ограничения сняли, но не со всех приложений. Если нужные вам документы входят в закрытую категорию, их придётся запрашивать отдельно.

— Мы начнём с плана лаборатории и приложений к экспертному заключению, — сказал Хейл.

— Хорошо.

Архивное помещение располагалось в полуподвальном этаже. Стеллажи уходили почти до потолка, между ними оставались узкие проходы. Над каждым рядом висела табличка с годами и номерами дел. Эвелин остановилась возле металлического шкафа, ввела код и вынула толстую папку с потемневшей обложкой.

На ней было напечатано:

ORPHEUS LABORATORY — FIRE INVESTIGATION.

Под названием стоял регистрационный номер дела.

Слоун узнала его сразу.

— Дело Рена, — сказала она.

— Да. Здесь основные материалы, фотографии места происшествия, протоколы осмотра и заключения экспертов.

Эвелин положила папку на стол и сняла перчатки.

— Вам нужно расписаться за временную выдачу. Оригиналы не покидают помещение. Копирование разрешено только после согласования.

Хейл подписал журнал.

Слоун надела перчатки и открыла папку.

Первые страницы содержали стандартные протоколы. Дата пожара, перечень погибших, описание повреждений, показания пожарных и сотрудников лаборатории. Следом шли фотографии обгоревших помещений.

На снимках лаборатория выглядела иначе, чем на изображении из сообщения. Потолок обрушился в нескольких местах, стены были покрыты чёрными разводами, а часть оборудования превратилась в искорёженные металлические конструкции.

Слоун перелистывала страницы медленно, внимательно читая подписи.

В конце первой секции находился официальный план помещений.

Он совпадал с её копией.

Шесть экспериментальных комнат. Технический коридор. Хранилище оборудования.

Никакой седьмой комнаты.

— Это все планы, которые входят в дело? — спросила Слоун.

Эвелин проверила список на внутренней странице.

— Согласно описи, да.

— А отдельные приложения?

— Здесь указаны только три: схема электроснабжения, схема вентиляции и перечень оборудования.

— Они доступны?

— В этой папке должны быть копии.

Слоун нашла нужный раздел. Схема электроснабжения была напечатана на большом листе, сложенном несколько раз. Она развернула его и прижала края ладонями.

На первый взгляд схема ничего не добавляла. Кабели, распределительные щиты, отдельные контуры питания. Но в левом нижнем углу располагался небольшой блок, которого не было на архитектурном плане.

Он обозначался как S-7.

Слоун наклонилась ближе.

— Что это?

Эвелин подошла к столу.

— Вероятно, технический контур.

— Где он находится?

Архивист посмотрела на схему, затем на план помещения.

— Не могу сказать. Это старая документация. Схемы составляли разные подрядчики, поэтому обозначения не всегда совпадают.

— Здесь есть линия, которая уходит за пределы основного плана.

Хейл подошёл к столу.

— Может быть, отдельная комната?

— Возможно, — ответила Эвелин. — Но по этой схеме нельзя определить, что именно находится за стеной.

Слоун провела пальцем вдоль линии, не касаясь бумаги.

Она начиналась у технического коридора и заканчивалась у прямоугольника, обозначенного S-7. Этот участок был отделён от остальных помещений толстой линией. Возле него стояла отметка, которая могла означать сервисный доступ.

— Почему эта часть не показана на архитектурном плане? — спросила она.

— Я не знаю. Возможно, её внесли после утверждения основного проекта.

— Или она относилась к зданию, которое существовало раньше, — предположил Хейл. Эвелин кивнула.

— Такое тоже возможно. До строительства лаборатории здесь находился исследовательский корпус. Часть старых технических помещений могла сохраниться.

Слоун почувствовала, что именно этого и боялась.

Не загадочной комнаты, которую кто-то выдумал, а вполне обыкновенного объяснения, способного оказаться верным.

Если помещение существовало ещё до создания Orpheus, оно могло не попасть в основной план. Но тогда требовалось выяснить, почему его обозначение сохранилось на электрической схеме и почему кто-то сфотографировал его изнутри, добавив на стену название лаборатории и номер 07.

— У вас есть материалы первоначального строительного проекта? — спросила она.

— Они должны храниться отдельно. Возможно, в приложениях к делу о пожаре.

— Можете проверить?

Эвелин вернулась к шкафу и начала искать в каталоге.

Хейл наклонился к Слоун.

— Если это действительно старое техническое помещение, мы можем потратить несколько дней на архивную проверку и ничего не найти.

— А если не проверим, никогда не узнаем, что там было.

— Вы хотите выезжать на место?

— Пока нет. Здание снесли после пожара. Но сохранились планы реконструкции территории. Если помещение существовало, его контуры могли остаться в инженерных документах.

Слоун вернулась к папке и продолжила листать материалы.

После электрической схемы находилась ведомость технического оборудования. Большинство позиций были помечены как уничтоженные пожаром. Несколько устройств выведены из эксплуатации раньше. Рядом с последней строкой стояла отметка:

Portable neural reader, unit 7. Status unknown.

Слоун перечитала её дважды.

— Роуэн.

Он подошёл.

— Что?

Она показала ему строку.

— Переносной нейронный считыватель. Седьмой блок. Статус неизвестен.

Хейл взглянул на фотографию, которую Слоун открыла на планшете.

— Прибор с треснувшим корпусом?

— Возможно. Но мы не можем это утверждать, пока не сравним модели.

— Почему статус неизвестен?

Эвелин, услышав их разговор, подошла ближе.

— Во время пожара часть оборудования была утрачена. Иногда в ведомостях оставляли неизвестный статус, если не удавалось определить, находилось ли устройство в помещении в момент происшествия.

— Но здесь есть отдельное поле для местонахождения, — заметила Слоун. — Оно заполнено для всех остальных устройств.

Эвелин проверила запись.

— Вы правы.

— Кто составлял ведомость?

— Инженерная группа после пожара. Имена должны быть на последней странице.

Слоун перелистнула документ.

Под таблицей стояли три подписи. Одну она узнала сразу.

Elias Moreau.

Доктор Элиас Моро, руководитель Orpheus.

Вторую поставил представитель пожарной службы.

Третья подпись была нечёткой, словно перо сорвалось на середине фамилии.

Хейл достал телефон и сфотографировал страницу в рамках разрешённой процедуры.

— Мы запросим оригинальные журналы оборудования, — сказал он. — Если они сохранились.

— И список сотрудников, — добавила Слоун. — Все, кто имел доступ к помещению S-7 или к считывателю номер семь.

Эвелин посмотрела на неё с выражением, которое Слоун не смогла сразу истолковать.

— Я не уверена, что такой список существует.

— Почему?

— Потому что в официальной описи оборудования седьмого считывателя нет.

Слоун опустила глаза на ведомость.

Он был в ней.

Его номер был указан. Его состояние зафиксировано. Его подпись под списком стояла рядом с фамилией руководителя лаборатории.

И всё же в официальной описи устройства не существовало.

— Тогда откуда взялась эта ведомость? — спросила она.

Эвелин несколько секунд молчала.

— Я могу проверить историю поступления документов. Но это займёт время.

Хейл посмотрел на часы.

— Сделайте это как можно скорее. Нам нужно знать, когда ведомость добавили в дело, кто заверил её подлинность и существовали ли более ранние версии.

Эвелин согласилась и ушла к компьютеру.

Слоун осталась у стола.

Она снова посмотрела на строку о седьмом считывателе.

Теперь у фотографии было два возможных объяснения. Либо неизвестный отправитель показал им реальное помещение, связанное с исчезнувшим устройством, либо использовал старую инженерную запись, чтобы заставить следствие искать несуществующую комнату.

Обе версии требовали дальнейшей проверки.

Хейл сложил схему и убрал её в папку.

— Нам нужно поговорить с Моро.

— Да.

— Сегодня?

— Если он согласится.

— А если нет?

Слоун посмотрела на подпись в ведомости.

— Тогда мы выясним, почему человек, который руководил лабораторией, поставил свою подпись под документом, который противоречит официальной описи.

Она уже собиралась закрыть папку, когда заметила ещё одну запись на обороте последней страницы.

Несколько строк были напечатаны другим шрифтом, а затем перечёркнуты тонким карандашом. Текст почти полностью скрывался под тенью сгиба.

Слоун осторожно расправила лист.

Внизу стояла служебная пометка:

Дополнительное помещение. Доступ по индивидуальному разрешению. Регистрация персонала не ведётся.

Хейл прочитал её через плечо.

— Это уже интереснее.

Слоун перевернула страницу. На обороте была подпись неизвестного сотрудника и дата, поставленная за три дня до пожара.

— Здесь нет номера комнаты, — сказала она. — Нет назначения. Нет фамилии ответственного.

— Но есть указание, что помещение существовало.

— Или что кто-то хотел, чтобы в документах осталось такое указание.

Она посмотрела на строку ещё раз.

Индивидуальное разрешение. Регистрация персонала не ведётся.

В здании, где каждый вход фиксировался, где оборудование учитывалось до последнего кабеля, существовало помещение, для которого не требовалась регистрация посетителей.

Это не доказывало, что там проводили незаконные эксперименты. Но объясняло, почему официальная схема могла не показывать все части комплекса.

— Сделайте копию этой страницы, — сказала Слоун. — И проверьте, кто имел право выдавать такие разрешения.

Хейл кивнул.

В этот момент вернулась Эвелин. Она несла распечатку с историей каталога.

— Я нашла запись о поступлении ведомости, — сообщила она. — Документ внесли в архив через четыре месяца после завершения расследования. До этого он не числился в основном деле.

— Кто его передал? — спросил Хейл.

Эвелин посмотрела на распечатку.

— Департамент внутреннего контроля Orpheus.

— Кто подписал передачу?

Она указала на нижнюю строку.

Слоун прочитала имя.

Adrian Vale.

Некоторое время никто не говорил.

Адриан не просто знал о существовании седьмого считывателя. Он лично передал ведомость в материалы дела после того, как расследование пожара было завершено.

Это могло означать, что он обнаружил пропуск в документах и пытался его исправить. Могло означать, что он хотел сохранить информацию о потерянном устройстве. Или, наоборот, создать ложный след, который спустя годы привёл бы исследователей к комнате, не существовавшей в официальных планах.

Но теперь смерть Вейла, сообщение Слоун и исчезнувшее помещение оказались связаны одной линией, которую уже нельзя было игнорировать.

— Есть дата? — спросил Хейл.

— Четвёртое марта, — ответила Эвелин. — Четыре месяца после пожара.

Слоун посмотрела на подпись Адриана.

Она вспомнила слова Селест: муж в последние дни закрывался от всех, отменял встречи и снова работал с архивами Orpheus.

Возможно, он вернулся к материалам, которые когда-то сам передал в суд.

Возможно, именно тогда он впервые понял, что сохранил не то, что следовало.

Хейл убрал документы в защитный конверт.

— Мы запрашиваем всё, что есть по S-7. И список людей, которые могли туда входить.

— Даже если списка никогда не существовало? — спросила Слоун.

— Особенно если его никогда не существовало.

Они направились к выходу.

В коридоре Слоун достала телефон и открыла сохранённое изображение. Она снова посмотрела на стену, табличку, стол и треснувший прибор. Затем сопоставила увиденное с ведомостью оборудования.

Устройство номер семь действительно могло быть тем самым считывателем.

Но одна деталь оставалась непонятной.

На фотографии прибор стоял на столе в помещении, которое, судя по электрической схеме, могло относиться к техническому сектору. При этом на стене была табличка Orpheus — 07, хотя в официальной нумерации седьмого помещения не существовало.

Если кто-то хотел убедить их в существовании такой комнаты, он выбрал слишком много правдоподобных деталей.

Если же комната была настоящей, кто-то тщательно позаботился о том, чтобы её не было в документах.

На улице дождь прекратился окончательно. Облака разошлись, и между зданиями появился узкий просвет бледного неба.

Хейл остановился у служебного выхода.

— Нам нужно решить, что делать дальше. Я могу отправить запрос Моро и одновременно проверить старые планы территории.

— Делайте оба запроса. Но сначала поговорите с людьми, которые передали ведомость в архив. Возможно, кто-то из них ещё жив.

— Вы думаете, они что-то знают?

— Я думаю, что четыре месяца после пожара — слишком поздний срок для случайного исправления списка оборудования. Особенно если в документе указано устройство с неизвестным местонахождением.

Хейл кивнул и отошёл, чтобы позвонить.

Слоун осталась под навесом.

В голове снова возникла фраза из анонимного сообщения.

Не спрашивайте Селест о том, что она помнит.

Теперь она понимала, почему эта фраза могла иметь значение.

Если в Orpheus действительно существовало незарегистрированное помещение, там могли проводиться эксперименты, сведения о которых не попали в официальные документы. Если участники проходили через него без регистрации, в деле не обязательно сохранились их имена. А если воспоминания использовали в качестве доказательств, то вопрос о том, кто именно пережил событие, мог быть принципиально неразрешимым.

Но почему отправитель выбрал именно Селест?

Почему не предупредил о Моро, не посоветовал проверить ведомость, не отправил фотографию Роуэну?

Почему ему было важно, чтобы Слоун не спросила вдову о том, что она помнит?

Она открыла заметки и напечатала два вопроса:

Что было в комнате S-7?

Что помнит Селест Вейл?

Первый вопрос можно было решить с помощью документов, экспертиз и свидетельских показаний.

Со вторым всё было сложнее.

Потому что Слоун уже знала: подлинное воспоминание не всегда означает правдивое событие.

И если кто-то действительно хотел скрыть прошлое Orpheus, то самое опасное доказательство могло оказаться не в архивах.

Оно могло находиться в голове человека, который был уверен, что рассказывает правду.

Глава 5. Человек, который помнил пожар

Доктор Элиас Моро жил в доме, которого не было ни на одной из туристических карт Астервика.

Это выяснилось случайно. Роуэн Хейл отправил запрос по последнему известному адресу учёного, указанному в документах Orpheus, но получил ответ, что здание давно продано, а сам Моро снят с регистрации по прежнему месту жительства. В открытых базах он значился консультантом нескольких исследовательских организаций, хотя ни одна из них не подтвердила, что сотрудничала с ним в последние пять лет.

— Он не исчез, — сказал Хейл, просматривая результаты поиска в машине. — Он сделал так, чтобы его было трудно найти.

Слоун сидела рядом, положив папку с документами на колени.

— Это разные вещи.

— Для человека, который хочет остаться в покое, разница несущественна.

— А для человека, который скрывает преступление?

Хейл отвёл взгляд от экрана.

— Для него тоже.

Дом находился за старым ботаническим садом, на улице, которая заканчивалась тупиком. По обеим сторонам дороги росли высокие деревья с почти голыми ветвями. За ними виднелись ограды частных участков, потемневшие кирпичные стены и заброшенные хозяйственные постройки.

Номер дома обозначался маленькой металлической пластиной, прикреплённой к каменной колонне. За оградой стояло двухэтажное здание с плоской крышей и узкими окнами. Часть фасада была закрыта вьющимися растениями, давно потерявшими листья. Сад выглядел ухоженным лишь в тех местах, куда можно было добраться, не выходя из дома.

— Он живёт здесь один? — спросила Слоун.

— Согласно последним данным, да. Дом оформлен на частную компанию, зарегистрированную в другой стране. В документах имя Моро не фигурирует.

— Удобно.

— Очень.

Хейл припарковал машину перед воротами и позвонил по номеру, который удалось получить через адвокатское бюро, представлявшее интересы учёного несколько лет назад.

Ответили почти сразу.

— Да?

Голос был низким, сухим, с едва заметной хрипотцой.

— Доктор Моро? Детектив Роуэн Хейл, отдел убийств Астервика. Мне нужно поговорить с вами об Адриане Вейле и лаборатории Orpheus.

На другом конце повисла тишина.

Не долгая, но достаточно заметная.

— Адриан умер? — спросил Моро.

Хейл посмотрел на Слоун.

Она медленно повернула голову.

— Откуда вы знаете, о ком я говорю? — спросил детектив.

— Вы назвали его имя.

— Я сказал, что хочу поговорить об Адриане Вейле. Я не говорил, что он умер.

— Тогда, полагаю, мне следовало спросить, что с ним случилось.

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

Моро помолчал.

— Подождите у ворот. Я открою.

Связь оборвалась.

Слоун посмотрела на Хейла.

— Вы не сообщили ему, что произошло.

— Нет.

— И не назвали причину визита, кроме желания поговорить.

— Верно.

— Но он сразу спросил, умер ли Вейл.

— Возможно, уже прочитал новости.

Хейл открыл телефон и проверил последние публикации. Новость о смерти основателя Mnemos появилась в нескольких информационных лентах около часа назад. Имя Моро нигде не упоминалось.

— Он мог получить информацию из другого источника, — сказал детектив. — Пока это не доказательство.

— Я и не говорила, что это доказательство.

— Но вы уже записали.

Слоун закрыла блокнот.

— Разумеется.

Ворота открылись с тихим металлическим скрежетом.

Они прошли по короткой дорожке, выложенной тёмным камнем. Возле входа стояли две пустые кадки, а под навесом висел старый датчик движения. Хейл заметил небольшую камеру над дверью, направленную не на крыльцо, а на дорожку, ведущую от ворот.

— Не похоже, что он боится незваных гостей, — заметил детектив.

— Возможно, он просто хочет знать, кто приходит.

Дверь открылась прежде, чем Хейл успел позвонить.

Доктор Элиас Моро оказался ниже, чем Слоун ожидала. На вид ему было около шестидесяти, хотя точный возраст определить мешали седые волосы, худое лицо и глубокие морщины возле рта. Он был одет в тёмную водолазку и серые брюки. На левой руке не хватало ногтя на указательном пальце, а на правой щеке тянулся тонкий старый шрам.

Он поочерёдно посмотрел на Хейла и Слоун.

— Вы привели эксперта.

— Доктор Слоун Мерсер, — представил её детектив.

Моро задержал на ней взгляд.

— Мерсер.

Он произнёс фамилию без удивления, но Слоун уловила в его голосе неприятную осторожность.

— Мы встречались? — спросила она.

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете мою фамилию?

— Я читал ваше заключение по делу Дэниела Рена.

Слоун не ожидала настолько прямого ответа.

— Вы изучали судебные материалы?

— Я изучал всё, что было связано с пожаром.

Он отступил в сторону, пропуская их в дом.

— Проходите. У меня нет намерения разговаривать на крыльце.

Внутри оказалось теплее, чем снаружи, но дом всё равно казался холодным. В прихожей не было ни фотографий, ни украшений, ни личных вещей, которые обычно оставляют возле входа. На стене висели часы без цифр, показывавшие время с помощью тонких чёрных линий.

Слоун задержалась возле них.

— Они работают? — спросила она.

Моро посмотрел на циферблат.

— Разумеется.

— Я не вижу стрелок.

— Они появляются, когда вы на них смотрите.

Он провёл пальцем по боковой панели. На циферблате возникли две тонкие световые линии, обозначающие часы и минуты.

— Не люблю предметы, которые напоминают мне о времени, — объяснил он. — Но ещё меньше люблю вещи, которые делают вид, будто времени не существует.

Он повёл гостей в небольшую комнату, служившую одновременно библиотекой и кабинетом.

Стены закрывали стеллажи с книгами. На столе лежали распечатанные научные статьи, рядом стояла чашка с нетронутым чаем. В углу работал старый настольный компьютер, отключённый от общей сети. Над ним висела чёрно-белая фотография здания, которое Слоун сразу узнала.

Orpheus.

Снимок был сделан до пожара. Фасад оставался целым, окна отражали небо, а возле главного входа стояли несколько человек в лабораторных халатах.

Слоун подошла ближе.

— Вы сохранили фотографию.

— У меня осталось много вещей, которые следовало выбросить.

— Почему не выбросили?

Моро посмотрел на изображение.

— Потому что люди часто выбрасывают вещи не тогда, когда они перестают иметь значение, а тогда, когда перестают понимать, что именно они означают.

Хейл сел напротив стола и достал диктофон.

— Доктор Моро, мы проводим расследование смерти Адриана Вейла. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Разговор будет записан.

— Вы можете задавать вопросы, детектив. Не обещаю, что ответы вам понравятся.

— Это уже не первый раз, когда я слышу подобное.

Моро сел в кресло напротив них.

Слоун осталась стоять у стеллажа.

— Когда вы в последний раз разговаривали с Адрианом Вейлом? — спросил Хейл.

Моро не ответил сразу.

— Двенадцать лет назад.

— Вы уверены?

— Если вы спрашиваете о личном разговоре, да.

— А по телефону?

— Возможно, позже. Я не помню.

— Вы поддерживали отношения после пожара?

— Нет.

— Почему?

— Потому что после пожара каждый из нас стал представлять угрозу для остальных.

Хейл сделал запись.

— Что это значит?

— Вы хотите услышать, что мы боялись друг друга? Это слишком просто. Мы боялись того, что могли знать друг о друге. Это разные вещи.

— Кто входил в число этих людей?

— Те, кто работал в Orpheus.

— Вы имеете в виду всех сотрудников?

— Нет.

— Почему?

Моро сложил руки на коленях.

— Потому что в лаборатории были люди, которые числились в штате, люди, которые работали по временным договорам, и людей, которых не следовало вносить ни в один список. Если вы собираетесь задавать вопросы о персонале, вам нужно сначала решить, что именно вы считаете персоналом.

Хейл поднял глаза.

— Вы утверждаете, что в лаборатории работали незарегистрированные сотрудники?

— Я утверждаю, что документы Orpheus никогда не отражали реальное количество людей, которые участвовали в исследованиях.

— Почему?

— Потому что проект был закрытым.

— Это не объясняет отсутствия регистраций.

— Объясняет больше, чем вам хотелось бы.

Слоун отошла от фотографии.

— Что именно исследовали в Orpheus?

Моро посмотрел на неё.

— Вы читали материалы дела.

— Я читала материалы уголовного дела о пожаре. Они не содержат полной информации о назначении лаборатории.

— Потому что назначение лаборатории не имело отношения к обвинению Дэниела Рена.

— А сейчас имеет?

Моро чуть наклонил голову.

— Это зависит от того, почему вы здесь.

Слоун выдержала его взгляд.

— Мы нашли документ, в котором указан переносной нейронный считыватель номер семь. Его местонахождение после пожара осталось неизвестным. В той же папке есть схема электрического контура S-7 и упоминание дополнительного помещения, которого нет на основном плане.

Моро не шелохнулся.

Но чашка на столе тихо звякнула о блюдце, когда он убрал руку с подлокотника и положил её рядом.

— Где вы нашли этот документ? — спросил он.

— В архиве судебных доказательств.

— Документ был засекречен.

— Часть материалов рассекретили. Мы изучали оригиналы.

— Кто дал вам доступ?

— Детектив Хейл.

Моро перевёл взгляд на следователя.

— Вы понимаете, что не должны были извлекать эту ведомость из дела?

— Я не извлекал её, — ответил Хейл. — Она находилась в материалах, доступных для предварительного осмотра.

— Тогда кто-то допустил ошибку.

— Возможно. Или документ должен был находиться там с самого начала.

Моро ничего не сказал.

Слоун достала планшет и открыла фотографию, полученную утром. Она не передала устройство учёному, а лишь повернула экран так, чтобы он мог рассмотреть изображение.

— Вы узнаете это помещение?
Моро посмотрел на фотографию.
В этот раз его реакция была заметнее.
Он не удивился. Не нахмурился. Не стал рассматривать детали так, как сделал бы человек, который впервые увидел неизвестную комнату.
Он сразу посмотрел на табличку.
Затем на треснувший прибор.
И только потом на пустой конверт.
— Откуда у вас это? — спросил он.
— Из анонимного сообщения.
— Когда?
— Сегодня утром.
— До или после того, как вы нашли ведомость?
— После.
Моро поднялся.
— Покажите ещё раз.
Слоун увеличила изображение.
Он подошёл ближе, но не прикоснулся к планшету.
— Это не фотография помещения Orpheus, — сказал он.
Хейл посмотрел на него.
— Вы уверены?
— Да.
— Почему?
— Таблички такого типа не использовали в лаборатории.
Слоун указала на изображение.
— Но оборудование на столе похоже на переносной нейронный считыватель из вашей ведомости.
— Многие приборы выглядели похоже.
— А конверт?
Моро перевёл взгляд на бумажный прямоугольник.
— Что конверт?
— Вы смотрите на него уже второй раз.
— Потому что он не имеет отношения к оборудованию.
— Откуда вы знаете?
Он посмотрел на неё.
— Потому что я знаю, как хранились материалы в Orpheus.
— Значит, это может быть не фотография лаборатории, а реконструкция?
— Может быть что угодно.
Моро вернулся к креслу.
— Вы не должны искать помещение по этой фотографии.
Слоун закрыла планшет.
— Почему?
— Потому что его там нет.
— Откуда вы знаете, что мы собираемся искать помещение?
— Вы упомянули S-7.
— Это обозначение электрического контура.
— Вы сказали, что на схеме было указано дополнительное помещение.
Слоун не ответила.
Моро потер переносицу.

— Я руководил лабораторией, доктор Мерсер. Я помню, как выглядели её основные помещения. Эта фотография не совпадает ни с одним из них.

— Но вы не утверждаете, что такого помещения никогда не существовало.

Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Я утверждаю, что не знаю, что изображено на вашем снимке.

Хейл выключил диктофон.

— Доктор Моро, я хочу, чтобы вы поняли: мы расследуем убийство. Адриан Вейл найден мёртвым в закрытой комнате. Перед смертью он работал с материалами, связанными с Orpheus. Теперь кто-то присылает нам изображения, которые могут быть связаны с исчезнувшим оборудованием. Если у вас есть информация, способная помочь расследованию, сейчас самое время ею поделиться.

Моро медленно сел.

— Я уже поделился тем, что знаю.

— Нет, — сказал Хейл. — Вы поделились тем, что готовы рассказать.

— А вы рассчитывали на что-то другое?

— Я рассчитывал, что человек, руководивший лабораторией, в которой произошёл пожар с человеческими жертвами, сможет объяснить, почему в её документах числится оборудование с неизвестным местонахождением.

— Я могу объяснить это. Устройство было прототипом. Оно использовалось в закрытой исследовательской программе. После пожара его не нашли. Поскольку мы не могли определить, находилось ли оно в помещении в момент происшествия, в ведомости указали неизвестный статус.

— Какой была его функция? — спросила Слоун.

— Считывание нейронных сигналов.

— Каких именно?

— Исходных сигналов, возникающих при воспроизведении воспоминания.

— Оно могло извлекать воспоминания?

— В ограниченном смысле. Устройство не сохраняло полную память человека. Оно регистрировало фрагменты нейронной активности, необходимые для синхронизации с основным архивом.

— То есть могло записать фрагмент воспоминания и передать его в другое устройство?

Моро посмотрел на неё.

— Теоретически.

— А практически?

— Практика не всегда соответствует теории.

— Вы видели, как устройство работало?

— Да.

— И оно действительно позволяло переносить фрагменты воспоминаний?

— Не так, как вы это формулируете.

— Тогда объясните, как.

Моро замолчал.

Слоун подождала.

— Любое воспоминание, — произнёс он наконец, — не существует в виде отдельного файла, который можно взять и перенести с одного компьютера на другой. Это не фотография и не аудиозапись. Оно связано с тем, как мозг кодирует, воспроизводит и изменяет пережитое. Даже если вы способны сохранить определённый нейронный паттерн, это ещё не означает, что другой человек переживёт событие точно так же.

— Но вы пытались этого добиться.

— Мы изучали возможность синхронизации определённых паттернов.

— В рамках проекта Continuity?

Моро застыл.

На этот раз пауза оказалась настолько долгой, что Хейл перестал делать записи.

— Откуда вы знаете это название? — спросил учёный.

Слоун не отвела взгляда.

— Оно встречается в нескольких ссылках, связанных с Orpheus. В официальных материалах нет описания проекта.

— Тогда вам следует проверить источники этих ссылок.

— Я хочу проверить сам проект.

— Его больше не существует.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Хейл включил диктофон снова.

— Доктор Моро, вы отказываетесь отвечать на вопросы о Continuity?

— Я не отказываюсь. Я говорю, что проект был прекращён после пожара.

— Вы утверждаете, что никакие его материалы не сохранились?

— Я этого не говорил.

— Где они могут находиться?

— Я не знаю.

Слоун открыла фотографию снова.

— На снимке вы сразу посмотрели на табличку, затем на прибор, а потом на конверт.

Если вы не узнаете помещение, почему вы знаете, на что следует смотреть?

Моро медленно повернулся к ней.

— Потому что я тридцать лет работал в лабораториях. Если вы показываете учёному фотографию рабочего стола, он сначала смотрит на оборудование, а потом на остальное.

— Но вы сказали, что таблички такого типа не использовали в Orpheus. Вы не могли знать это, не распознав саму табличку.

— Я не говорил, что узнал помещение.

— Вы сказали, что не знаете, что изображено на снимке. Это не то же самое, что не узнавать детали.

Моро сжал губы.

— Доктор Мерсер, вы хотите, чтобы я объяснил вам то, чего не знаю, или хотите, чтобы я подтвердил вашу версию?

— Я хочу понять, почему вы боитесь этой фотографии.

Учёный резко встал.

— Я не боюсь фотографии.

— Тогда почему вы сказали нам не искать помещение?

— Потому что вы ищете то, что, возможно, никогда не существовало.

— Но вы знаете о проекте Continuity. Знаете о приборе номер семь. Знаете, что в лаборатории могли существовать незарегистрированные помещения. И теперь говорите, что не знаете, что изображено на фотографии.

— Я не обязан объяснять вам каждую деталь работы закрытой лаборатории.

— Нет, — согласилась Слоун. — Но вы обязаны понимать, что человек, который знал эти детали, мог иметь отношение к смерти Адриана Вейла.

Моро посмотрел на неё так, словно впервые увидел.

— Вы считаете, что я убил его?

— Я считаю, что вы знаете о нём больше, чем готовы рассказать.

— Я не видел Адриана двенадцать лет.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда мне несложно будет проверить ваши слова.

Он ничего не ответил.

Хейл поднялся.

— Мы продолжим разговор после того, как проверим ваши контакты и документы. Пока я прошу вас сохранить все материалы, связанные с Orpheus, и не связываться с другими участниками старого проекта.

Моро усмехнулся.

— Другими участниками? Вы действительно думаете, что они все ещё живы?

— Я не знаю, кто из них жив. Именно поэтому и прошу вас никому не звонить.

Учёный подошёл к книжному стеллажу и вынул тонкую папку с выцветшей наклейкой.

— Вы хотите понять, что произошло двенадцать лет назад? — спросил он.

— Да, — ответил Хейл.

Моро положил папку на стол.

— Тогда начните с этого.

Слоун не потянулась к ней.

— Что это?

— Копия ведомости, которую вы сегодня изучали. Но здесь указана более ранняя редакция.

Хейл открыл папку.

Внутри лежали несколько страниц с таблицами оборудования, подписями и отметками о передаче материалов. На первой странице стоял номер документа, совпадающий с номером в архиве судебных доказательств. Однако дата была другой — за неделю до пожара.

В списке переносных устройств было пять позиций.

Не шесть.

И не семь.

Слоун перелистнула страницу.

На обороте последнего листа стояла короткая пометка, написанная от руки:

Дополнительный блок выдан по отдельному разрешению. В основной реестр не включать.

Под ней находилась подпись.

Адриан Вейл.

Хейл поднял глаза.

— Вы знали об этой копии?

— Да, — ответил Моро.

— Почему она не была передана в материалы расследования?

— Потому что она не имела отношения к причине пожара.

— Как вы можете это утверждать, если устройство до сих пор не найдено?

Моро посмотрел на документ.

— Потому что я знал, для чего оно использовалось.

— Для чего?

Учёный не ответил.

Слоун изучала подпись Адриана.

Она выглядела настоящей. Не идеальной копией и не механическим воспроизведением, а привычной подписью человека, который не придавал значения тому, как именно выводит буквы. Последняя линия уходила чуть вниз, затем резко возвращалась к центру.

Слоун видела эту подпись сегодня утром — под ведомостью, переданной в архив через четыре месяца после пожара.

Две подписи. Два документа. Один и тот же человек.

Сначала Адриан подтвердил выдачу устройства по отдельному разрешению.

Затем, после пожара, передал ведомость, в которой это устройство значилось как утраченное.

— Когда вы в последний раз видели этот документ? — спросила она.

— Несколько лет назад.

— У кого он находился?

— У меня.

— Почему вы сохранили его?

— Потому что некоторые ошибки невозможно исправить, если уничтожить все документы, которые их подтверждают.

Слоун подняла глаза.

— Вы считаете это ошибкой?

Моро посмотрел на неё.

— Я считаю ошибкой то, что мы позволили одному прототипу стать причиной целой череды событий, которые никто не смог остановить.

— Каких событий?

— Вы уже знаете о пожаре.

— Я хочу знать, что было до него.

Моро отвернулся к окну.

Снаружи начинал моросить дождь. Вода собиралась на тёмной поверхности стекла, образуя длинные неровные дорожки.

— За неделю до пожара Адриан пришёл ко мне и попросил разрешение на дополнительный эксперимент, — сказал он. — Я отказал.

— Почему?

— Потому что протокол не был завершён.

— И что он сделал?

— Он нашёл человека, который мог предоставить ему доступ.

— Кто это был?

— Я не знаю.

Слоун посмотрела на подпись в документе.

— Вы лжёте.

Моро медленно повернулся.

— Осторожнее, доктор Мерсер.

— Подпись подтверждает, что вы знали о выдаче устройства. А теперь вы утверждаете, что не знаете, кто предоставил доступ. Это возможно, но маловероятно.

— В научных учреждениях люди иногда подписывают документы, не зная всех обстоятельств.

— Но вы руководили проектом.

— И именно поэтому я знаю, сколько вещей происходит без моего разрешения.

Он говорил уверенно. Возможно, слишком уверенно.

Слоун закрыла папку.

— Что произошло в ночь пожара?

Моро долго молчал.

— Я не видел, как начался пожар.

— Где вы находились?

— В административном крыле.

— Один?

— Нет.

— Кто был с вами?

Он посмотрел на Хейла, затем снова на Слоун.

— Человек, которого нет в вашем списке сотрудников.

— Мара Куинн?

Моро не ответил.

Но Слоун заметила, как его пальцы сжались на краю стола.

— Вы знали её, — сказала она.

— Я знал многих людей, которые работали в Orpheus.

— Вы только что сказали, что находились рядом с человеком, которого нет в официальном списке. Я назвала имя Мары Куинн. Вы не спросили, откуда оно мне известно. Вы не удивились. И не сказали, что не знаете такого человека.

— Это не означает, что я подтверждаю вашу версию.

— Какую версию?

Моро закрыл глаза на мгновение.

— Я не собираюсь обсуждать Мару Куинн.

— Почему?

— Потому что, если она действительно имеет отношение к вашему расследованию, вы уже допустили первую ошибку.

— Какую?

Он открыл глаза.

— Вы решили, что имя принадлежит человеку, которого можно найти.

Хейл перестал писать.

Слоун почувствовала, как слова учёного словно остались между ними, не желая превращаться в понятное объяснение.

— Вы утверждаете, что Мара Куинн не существовала? — спросила она.

— Я утверждаю, что в Orpheus существовали вещи, которые нельзя было описать одним именем.

— Это звучит как уклонение от ответа.

— Потому что вы задаёте вопрос, на который у меня нет права отвечать.

— Кто запретил вам?

Моро отвернулся.

— Вам лучше уйти.

Хейл поднялся.

— Мы закончим, когда я решу, что закончили.

— Тогда я прошу вас покинуть мой дом. Вы получили документы, которые искали.

Остальное вам всё равно никто не сможет подтвердить.

Слоун собрала бумаги в папку.

— Доктор Моро, перед тем как мы уйдём, я хочу спросить вас ещё об одном.

Он не обернулся.

— Спрашивайте.

— После пожара Адриан Вейл передал в архив ведомость с неизвестным местонахождением седьмого считывателя. Почему он ждал четыре месяца?

Моро медленно повернулся.

На этот раз в его взгляде не осталось прежнего раздражения. Только усталость, которая, казалось, существовала в нём задолго до смерти Адриана.

— Потому что он не искал устройство, — сказал Моро.

Слоун не шевельнулась.

— Что же он искал?

— Он хотел знать, можно ли считать воспоминание подлинным, если человек, которому оно принадлежит, никогда не переживал запечатлённого события.

В комнате стало тихо.

Хейл посмотрел на Слоун, но она не отвела глаз от Моро.

— Когда он задал вам этот вопрос? — спросила она.

— Через четыре месяца после пожара.

— Что вы ответили?

Моро медленно покачал головой.

— Что это невозможно.

— Вы были уверены?

— Я был уверен в том, что тогда знал.

— А сейчас?

Он посмотрел на фотографию Orpheus, висевшую на стене.

— Сейчас я уверен только в том, что мы слишком поздно поняли, какой вопрос следовало задавать.

Обратно они ехали молча.

Дождь усилился, и дворники с трудом справлялись с водой. Хейл сосредоточенно смотрел на дорогу, а Слоун держала папку с копиями документов на коленях.

Через несколько минут детектив нарушил тишину.

— Он знает, что произошло в Orpheus.

— Да.

— И знает, кто такая Мара Куинн.

— Да.

— Но не собирается нам ничего рассказывать.

Слоун посмотрела в окно.

— Он уже рассказал больше, чем хотел.

— Вы считаете, что он причастен к смерти Вейла?

— Я считаю, что у него был доступ к информации, которая могла сделать его опасным свидетелем. Это не то же самое, что участие в убийстве.

Хейл сжал руль.

— Я не верю, что человек способен двенадцать лет скрывать подобную историю и ни разу не попытаться изменить её.

— Возможно, пытался.

— Но мы об этом не знаем.

— Пока нет.

Хейл свернул на проспект и остановился перед красным сигналом светофора.

— Есть ещё кое-что. Моро сказал, что Адриан искал ответ на вопрос о подлинности воспоминания. Почему он пришёл к нему через четыре месяца после пожара? Почему не сразу?

Слоун провела пальцем по краю папки.

— Потому что только через четыре месяца понял, что именно произошло.

— Или потому что ему понадобилось четыре месяца, чтобы подготовить ложную версию.

— Это тоже возможно.

— Вы не думаете, что он мог участвовать в сокрытии доказательств?

— Думаю. Но если бы он хотел полностью скрыть историю с устройством, ему было бы проще уничтожить ведомость. Вместо этого он сохранил её и передал в материалы дела.

— Может быть, потому что хотел, чтобы её нашли.

Слоун повернулась к нему.

— Да.

Они снова замолчали.

На заднем сиденье лежал пакет с копиями документов. В одной версии ведомости седьмой считыватель отсутствовал. В другой он числился устройством с неизвестным местонахождением. В третьей его выдача была подтверждена подписью Адриана Вейла.

Три документа, которые должны были описывать одно и то же оборудование, противоречили друг другу.

Но ни один не был явно поддельным.

Слоун достала блокнот и записала три вопроса.

Кто выдал седьмой считыватель?

Почему Моро отказался обсуждать Мару Куинн?

Что Адриан обнаружил через четыре месяца после пожара?

Она перечитала записи и добавила четвертую строку:

Какое воспоминание он считал чужим?

Телефон завибрировал.

Сообщение от Нолана Прайса.

Мы нашли совпадение по изображению из анонимного сообщения. Прибор на фотографии похож на модель NS-7, разработанную для проекта Continuity. Но точного соответствия нет. Для проверки нужна оригинальная техническая документация.

Слоун показала сообщение Хейлу.

Он прочитал его и выругался вполголоса.

— Значит, фотография связана с проектом.

— Возможно, — сказала Слоун. — Она связана с прибором, который использовали в рамках проекта. Но мы всё ещё не знаем, где сделан снимок.

— И кто его отправил.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз пришло сообщение без текста. Только файл с небольшим изображением.

Слоун открыла его.

На экране была страница, похожая на лист из старого журнала наблюдений. В верхней части стояла дата, за два дня до пожара в Orpheus. Ниже шли несколько строк, написанных машинописным шрифтом. Большая часть текста была размыта, но последние две строки читались отчётливо:

Объект 07 не подлежит включению в официальный реестр.

При повторном контакте использовать только исходный канал.

Внизу находилась подпись, которую Слоун уже видела сегодня дважды.

Адриан Вейл.

Она увеличила изображение.

Под подписью проступала ещё одна строка, почти полностью скрытая тенью сгиба.

Субъект M.Q. — перенос завершён.

Слоун перестала дышать на несколько секунд.

Хейл свернул к обочине и остановил машину.

— Что там?

Она молча повернула телефон к нему.

Детектив прочитал запись.

— M.Q., — произнёс он. — Мара Куинн?

— Возможно.

— А что означает «перенос завершён»?

Слоун медленно убрала телефон.

Она думала о словах Моро. О седьмом считывателе. О закрытом помещении, которого не было на плане. О человеке, чьё имя отсутствовало в официальных документах, но появлялось в анонимных сообщениях.

И о том, что Адриан Вейл, возможно, не пытался найти пропавшее устройство. Он пытался понять, что с его помощью сделали двенадцать лет назад.

— Я не знаю, — сказала она.

Это был первый раз за утро, когда ответ прозвучал не как профессиональная осторожность, а как признание.

Хейл снова посмотрел на экран.

— Нужно выяснить, кто отправил это сообщение.

— Да.

— И получить оригинал журнала.

— Да.

Он вернулся на дорогу.

Слоун смотрела на изображение ещё несколько секунд, затем сохранила файл и отключила экран.

Она не могла знать, был ли документ настоящим. Не могла установить, что именно означало слово «перенос». Не могла даже уверенно сказать, что инициалы относились к Маре Куинн.

Но одна вещь теперь казалась очевидной.

Кто-то не просто хотел, чтобы она нашла седьмое помещение.

Кто-то последовательно подводил её к одному имени.

И чем больше Слоун узнавала о Маре Куинн, тем сильнее подозревала, что это имя не было ключом к загадке.

Возможно, оно было предупреждением.

Или приманкой.

Внизу документа, под подписью Адриана, оставалась ещё одна почти невидимая строка.

Слоун заметила её только тогда, когда экран погас и отразил её лицо.

Повторная проверка запрещена.

Она открыла файл снова.

Строка никуда не исчезла.

Слоун откинулась на спинку сиденья.

Впервые с начала расследования у неё возникло ощущение, что дело Адриана Вейла началось не с его смерти.

И даже не с пожара в Orpheus.

Возможно, оно началось в тот момент, когда кто-то решил, что человеческое воспоминание можно переместить из одного сознания в другое, не оставив следа.

И теперь кто-то хотел, чтобы она узнала об этом.

Но пока не хотела, чтобы она узнала правду.

Глава 6. Исходный канал

К полудню Слоун поняла, что больше всего её раздражает не количество неизвестных в деле, а то, как настойчиво кто-то подменяет ими ответы.

Фотография несуществующей комнаты привела их к ведомости оборудования. Ведомость привела к доктору Моро. Моро подтвердил существование закрытого проекта, о котором не было сведений в официальных материалах, но отказался объяснить, что именно исследовали в Orpheus. А последнее сообщение связало всё это с именем Мары Куинн, будто неизвестный отправитель боялся, что Слоун упустит единственную важную деталь.

Слишком много совпадений.

И слишком аккуратно выстроенная последовательность.

Либо кто-то действительно пытался помочь расследованию, либо хотел привести их к определённому выводу. Разница между этими вариантами могла оказаться решающей.

— Вы третий раз перечитываете одно и то же сообщение, — заметил Роуэн.

Они находились в небольшом кабинете цифровой криминалистики на втором этаже управления полиции. За стеной работали принтеры, в коридоре разговаривали сотрудники, а на широком мониторе перед ними были открыты два изображения, полученные Слоун от неизвестного отправителя.

— Я пытаюсь понять, почему он выбрал именно эти документы, — ответила она.

— Чтобы рассказать нам о проекте?

— Тогда он мог отправить весь документ целиком. Или хотя бы написать, где его искать.

— Возможно, он опасается, что сообщение перехватят.

— Возможно.

— Или хочет убедиться, что вы сами найдёте нужные материалы.

Слоун подняла глаза.

— Это уже интереснее.

Роуэн положил на стол папку с копиями документов, которые они получили от Моро.

— Я запросил историю доступа к старым архивам Mnemos. Компания подтвердила, что сохранит все журналы, но предоставлять сведения до получения распоряжения прокурора не собирается.

— Кто ответил?

— Генри Колдуэлл.

— Разумеется.

— Он также сообщил, что Адриан Вейл имел право работать с закрытыми коллекциями без отдельного согласования.

Слоун посмотрела на экран.

— Значит, если он нашёл документ, который не должен был существовать в официальном каталоге, он мог получить к нему доступ сам.

— Или кто-то мог воспользоваться его полномочиями.

— Это тоже проверим.

В дверях появился Нолан Прайс. В одной руке он держал планшет, в другой — прозрачную папку с распечатанными изображениями.

— Кажется, нашёл кое-что, — сказал он.

Роуэн отодвинул кресло.

— Что именно?

Прайс положил распечатки на стол.

— Первое изображение — фотография помещения — не содержит достаточного количества данных для надёжной атрибуции. Оно могло быть сделано камерой телефона, а могло

пройти через несколько этапов обработки. Метаданных съёмки нет. По одной картинке мы не установим, когда и где она сделана.

— Это мы уже знаем, — сказал Роуэн.

— Зато со вторым изображением интереснее.

Прайс развернул экран планшета к Слоун.

На нём находился фрагмент документа с подписью Адриана Вейла и строкой о завершённом переносе.

— Сначала я решил, что перед нами скан бумажного листа. Но края символов и характер цифрового шума указывают на другое. Посмотрите на нижнюю часть изображения.

Он увеличил участок возле подписи.

Слоун увидела тонкую сетку, едва различимую среди серых участков бумаги.

— Что это?

—Arteфакт отображения. Похоже, документ сначала открыли на экране, а затем сфотографировали другим устройством. На изображении сохранились особенности пиксельной сетки дисплея.

— То есть отправитель не фотографировал оригинал?

— Я не могу утверждать, что оригинал вообще существовал в бумажном виде. Но изображение документа, вероятнее всего, получили с экрана.

Прайс переместил рамку выделения к нижнему краю листа. Там проступали несколько крошечных точек, расположенных почти правильными рядами.

— Это уже интереснее, — сказал он. — Подобный рисунок встречается в защищённых системах просмотра документов. Он не обязательно позволяет установить конкретного пользователя, но иногда содержит сведения о сеансе, в котором материал отображался.

Слоун придвинулась к экрану.

— Mnemos?

— Возможно. Встроенная система защиты документов у них использует похожий принцип. Я проверил доступные технические описания. Совпадение есть, но для подтверждения потребуется оригинальный файл или более качественная копия.

Роуэн посмотрел на часы.

— Значит, документ открывали в Mnemos, сфотографировали с экрана и отправили Слоун.

— Это одна из вероятных версий, — сказал Прайс. — Но не единственная. Подобный механизм используют и другие системы. Кроме того, изображение могло быть скопировано из уже существующей фотографии экрана.

— А если оно действительно было создано в Mnemos? — спросила Слоун.

— Тогда можно попытаться найти исходную запись в каталоге и проверить, когда её открывали.

Слоун снова посмотрела на фрагмент.

— Сделайте это.

— Мне понадобится помощь самой компании. Я могу исследовать изображение, но не имею доступа к их внутренним журналам.

— Мы получим разрешение, — сказал Роуэн.

— Есть ещё одна деталь, — продолжил Прайс. — Оба изображения пришли через временный шлюз, но это не доказывает, что их отправил один человек. Система доставки могла быть одинаковой для нескольких пользователей. Я бы не объединял эти сообщения в одну цепочку без дополнительного подтверждения.

Слоун кивнула.

Это было именно то, чего она опасалась. Самая очевидная версия — неизвестный отправитель последовательно подбрасывает им сведения о проекте Continuity — выглядела убедительно, но пока основывалась на предположении.

Первое изображение могло быть сделано одним человеком. Второе — другим. Кто-то мог отправить фотографию комнаты, а кто-то позже передать документ, не зная о первом сообщении.

Или оба изображения были частью тщательно подготовленной истории.

— Вы сможете определить, когда документ последний раз отображался на экране? — спросила она.

— Не по этой копии. Но если найдём исходный документ в защищённом каталоге, там могут сохраниться сведения о последнем сеансе просмотра.

— Тогда найдите каталог.

Прайс убрал планшет.

— Я займусь этим.

Когда он вышел, Роуэн закрыл дверь кабинета.

— У нас проблема.

— У нас их несколько.

— Проблема в том, что каждое новое доказательство связано с Mnemos. Компания владеет архивом, контролирует доступ к материалам и нанимает юристов, которые не собираются добровольно отдавать нам информацию.

— Адриан Вейл был не единственным человеком с доступом к системе.

— Но он был единственным погибшим.

— Пока.

Роуэн посмотрел на неё резко.

— Не говорите так.

— Как?

— Будто уже ожидаете следующую смерть.

Слоун отвела взгляд.

— Я не ожидаю. Я учитываю возможность. Если кто-то пытается скрыть эксперимент, который официально прекратили двенадцать лет назад, мы не можем считать, что убийство Адриана — единственное преступление.

— И всё-таки я предпочёл бы, чтобы вы не произносили такие вещи вслух.

— Почему?

— Потому что в этом здании нас слышит больше людей, чем нам хотелось бы.

Он указал на потолочный датчик.

Слоун посмотрела вверх. В углу располагалась обычная система пожарной сигнализации. Никаких очевидных устройств записи она не заметила.

— Вы думаете, нас прослушивают?

— Я думаю, что после сегодняшнего утра мы должны исходить из того, что всё сказанное может стать известно кому-то ещё.

— Тогда нам понадобится место, где можно разговаривать спокойно.

Роуэн задумался.

— Есть старый кабинет на пятом этаже. Его используют для хранения бумажных материалов. Сетевых терминалов там нет.

— Хорошо. Перенесём туда документы.

Он открыл дверь.

— И ещё, доктор Мерсер.

Слоун обернулась.

— Когда мы разговаривали с Моро, вы спросили его, почему он не уничтожил ведомость, если хотел скрыть историю с устройством. Помните?

— Конечно.

— Вы сказали, что он, возможно, хотел, чтобы её нашли.

— Да.

— А если он хотел, чтобы её нашли не мы?

Слоун ничего не ответила.

Роуэн продолжил:

— Он мог сохранить документ, рассчитывая, что когда-нибудь кто-то доберётся до него и обвинит другого человека. Возможно, Вейла. Возможно, кого-то из бывших сотрудников. Мы пока не знаем, кто именно должен был оказаться в центре этой истории.

Слоун посмотрела на фотографию документа, оставшуюся на экране.

— Тогда нам нужно установить не только происхождение ведомости, но и причину, по которой её включили в материалы дела спустя четыре месяца после пожара.

— Именно.

— Для начала найдём человека, который её передал.

К часу дня они уже сидели в старом кабинете на пятом этаже.

Комната была тесной, без окон. У стены стояли металлические шкафы, на столе лежали коробки с бумажными делами, а над дверью висели часы с громким секундным механизмом. Слоун сняла пальто и положила рядом папку с материалами Orpheus.

Роуэн вернулся с двумя стаканами кофе.

— Один без сахара, — сказал он, ставя напиток перед ней. — Надеюсь, не ошибся.

— Нет.

Она отпила и поморщилась.

— Но кофе отвратительный.

— Это единственное, что в здании не зависит от решений руководства.

Слоун невольно улыбнулась.

Несколько минут они изучали документы, не разговаривая. Затем Роуэн открыл ноутбук и вывел на экран список сотрудников Orpheus, составленный после пожара.

— В официальном реестре сорок три человека, — сказал он. — Из них шестеро погибли. Семеро покинули страну в течение года после трагедии. Ещё четверо не удалось найти. Остальные либо продолжили научную работу, либо перешли в частные компании.

— Мара Куинн?

— Нет.

— Ни в одном списке?

— Ни в одном из доступных.

Слоун посмотрела на список.

— А в предварительных списках, которые составляли пожарные?

— Пока не получил.

— Нужно запросить все версии. Не только итоговый документ.

Роуэн сделал пометку.

— Вот ещё что. Департамент внутреннего контроля, который передал ведомость в архив через четыре месяца после пожара, больше не существует. Его функции распределили между несколькими подразделениями. Но я нашёл фамилию сотрудника, который подписывал сопроводительное письмо.

Он повернул экран.

Peter Langford — Питер Лэнгфорд.

Слоун прочитала имя.

— Он жив?

— Судя по последним данным, да. Семьдесят один год. Живёт в Брайер-Хилл, примерно в сорока километрах отсюда. После закрытия Orpheus несколько лет работал консультантом по управлению рисками, затем ушёл на пенсию.

— Он может знать, зачем передал ведомость.

— Именно поэтому мы туда и поедём.

Слоун открыла свою копию старого заключения по делу Дэнниела Рена.

— Подождите. Прежде чем мы начнём новый опрос, я хочу проверить одну вещь.

— Какую?

Она достала лист с результатами первоначальной экспертизы. Документ был отпечатан на бумаге, которая пожелтела по краям, но текст оставался читаемым. Внизу стояла её подпись — фамилия, выведенная быстрым движением, с характерным длинным штрихом.

Роуэн взглянул на заголовок.

— Ваше заключение?

— Да.

— Вы говорили, что подтверждали подлинность исходного нейронного материала.

— Так и было.

Слоун провела пальцем по абзацу, который уже много раз читала за последние двенадцать лет.

Исследованный материал соответствует критериям подлинности нейронного источника. Признаков цифрового монтажа или постэкстракционной модификации не выявлено.

Она перевернула лист.

— А вот это приложение.

Следом шла таблица, которую она почти забыла. В верхней части располагалась графа «Происхождение записи», а ниже — несколько технических параметров, использованных при экспертизе.

Одна строка была заполнена от руки.

Исходный канал: не подтверждён.

Роуэн наклонился ближе.

— Что это означает?

— Что мы не смогли установить, из чьего именно нейронного процесса был получен фрагмент.

— Но вы подтвердили его подлинность.

— Да.

— И это не противоречит друг другу?

— Нет. Подлинность означает, что запись соответствует критериям исходного нейронного материала. Но если мы не можем подтвердить происхождение канала, то не знаем, кто именно является источником воспоминания.

Роуэн некоторое время смотрел на документ.

— Суд знал об этом?

— Приложение было включено в экспертный пакет.

— Вы лично объясняли это суду?

— Я отвечала на вопросы. Но меня не спрашивали, мог ли материал происходить от другого человека.

— Почему?

— Потому что обвинение считало, что запись принадлежит Рену. Его имя стояло в заголовке файла, а содержание совпадало с показаниями одного из свидетелей. Я не проверяла, кто присвоил записи это имя. Моей задачей было исследовать её структуру.

— Значит, вы подтвердили то, что от вас требовалось, но суд использовал ваше заключение для более широкого вывода.

— Да.

Слоун посмотрела на собственную подпись.

Она помнила день, когда подписывала отчёт. Помнила холодный свет лаборатории, шум вентиляции и раздражение из-за неисправного анализатора. Помнила, как несколько часов сравнивала параметры записи, прежде чем получить результат, который казался достаточно убедительным.

Но она не помнила, чтобы тогда задала себе вопрос, который теперь казался очевидным.

Если источник не подтверждён, кому принадлежит воспоминание?

— Вы могли оспорить это раньше, — сказал Роуэн.

Слоун подняла голову.

— Да.

Он, кажется, ожидал другого ответа.

— Вы не собираетесь защищаться?

— От чего?

— От собственной ошибки.

Она закрыла папку.

— Я уже признала её. Но если вы спрашиваете, почему я не вернулась к этому вопросу раньше, ответ простой: потому что после завершения дела мне не предоставили новых данных, которые заставили бы пересмотреть выводы. Я считала, что моя часть работы закончена.

— И теперь вы думаете, что это было неправильно.

— Теперь я знаю, что моя часть работы была не единственной, которая имела значение.

Роуэн откинулся на спинку стула.

— Вы понимаете, что если дело Рена пересмотрят, ваша репутация пострадает?

— Она уже пострадала. Я просто ещё не получила официального уведомления.

— А если выяснится, что вы могли предотвратить его осуждение?

Слоун посмотрела на него.

— Тогда мне придётся с этим жить.

Роуэн не стал продолжать.

Она вернулась к таблице. Внизу страницы, под отметкой об исходном канале, располагалась ещё одна строка, заполненная не её рукой.

Дополнительная сверка проведена: D.W.

Слоун нахмурилась.

— Я этого не писала.

— Что именно?

Она указала на инициалы.

— D.W. Дэниел Рен.

Роуэн придвинул лист к себе.

— Но заключение было составлено до суда?

— Да. Это могло быть добавлено позже, когда документы собирали в единый архив.

— Кто проводил сверку?

— Не знаю.

— Могли это сделать сотрудники Mnemos?

— Теоретически. Но в материалах суда должны быть отметки о передаче документа.

Здесь их нет.

Она снова перевернула лист, осматривая его края.

— Нужен оригинал экспертного пакета, — сказала она. — Не копия из моего личного архива. Если эта отметка появилась позже, мы должны установить, кто её добавил.

Роуэн посмотрел на часы.

— Тогда у нас будет ещё один запрос.

— И ещё одна причина не раскрывать детали расследования до проверки.

Он поднялся и подошёл к двери.

— Я займусь разрешением. А вы пока попробуйте выяснить, что означает исходный канал в системе Ogrheus.

— Вы думаете, это связано с фотографией?

— Я думаю, что у нас слишком много одинаковых терминов в разных документах, чтобы считать это случайностью.

Он вышел.

Слоун осталась одна.

Она снова прочитала отметку.

Исходный канал: не подтверждён.

Теперь эта формулировка имела для неё другой смысл. Двенадцать лет назад она считала отсутствие подтверждённого источника техническим ограничением. Сейчас оно могло быть главным обстоятельством дела.

Если воспоминание Рена действительно происходило от другого человека, то кто-то перенёс его, сохранив подлинную структуру. Если это было сделано намеренно, операция должна была оставить следы в оборудовании, документах или протоколах.

И если перенос завершили за два дня до пожара, то произошло нечто, что могло объяснить исчезновение седьмого считывателя.

Телефон завибрировал на столе.

Номер был скрыт.

Слоун не ответила.

Через несколько секунд пришло сообщение.

Вы нашли отметку?

Она замерла.

Сообщение было коротким, но его смысл не требовал расшифровки. Отправитель знал, что она изучает старое заключение. Или догадывался, какие документы она попросит после разговора с Моро.

Слоун набрала ответ:

Кто вы?

Она не отправила сообщение.

Вместо этого сохранила снимок экрана и вызвала Прайса.

Он пришёл через несколько минут, изучил уведомление и подключил телефон к рабочей системе, не открывая сообщение повторно на самом устройстве.

— Опять временный шлюз, — сообщил он. — Но на этот раз структура пакета отличается.

— Значит, другой отправитель?

— Возможно. Или тот же человек использует другой метод доставки. Пока утверждать нельзя.

— Он знает, что я открыла старое заключение.

— Или предполагает, что вы к нему вернётесь.

Слоун посмотрела на экран.

— Он спрашивает об отметке.

— Какой именно?

— Об исходном канале.

Прайс нахмурился.

— Эта формулировка есть в сообщении?

— Нет. Только вопрос: «Вы нашли отметку?»

— Тогда отправитель может иметь в виду что угодно. Но если он знает, что вы занимаетесь делом Рена, круг возможных значений сужается.

— Вы сможете определить, когда сообщение было создано?

— Внутренних метаданных нет. Сервер зарегистрировал только время получения.

Слоун закрыла глаза на секунду.

— Значит, мы снова не знаем, кто он и откуда у него информация.

— Пока не знаем.

Прайс закончил проверку и ушёл.

Слоун осталась перед экраном. На столе лежали два документа из одного дела, составленные с разницей в несколько месяцев. Один подтверждал подлинность воспоминания. Другой указывал на неизвестный источник. Между ними находилась рукописная отметка, которую никто пока не мог объяснить.

Она подумала о Дэниеле Рене.

Он мог знать, что воспоминание не принадлежит ему. Мог пытаться сообщить это суду. Мог вообще не понимать, почему запись показывала действия, которых он не совершал.

Но кто-то подписал сверку его инициалами.

И теперь неизвестный отправитель хотел знать, нашла ли Слоун эту отметку.

Она открыла календарь и посмотрела на дату пожара.

Двенадцать лет назад.

Тогда она была моложе, уверена в своих методах и убеждена, что задача эксперта — отделять подлинное от поддельного. Ей казалось, что этого достаточно, чтобы установить истину.

Теперь она понимала: иногда самое опасное заключение — не ложное.

Самое опасное заключение может быть абсолютно верным в узких пределах поставленного вопроса и при этом привести к катастрофически неверному выводу.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз пришло не сообщение, а файл.

Слоун не открыла его. Она сохранила копию в изолированной системе и вызвала Роуэна.

Он вернулся быстро.

— Что случилось?

— Новый материал.

— От того же отправителя?

— Пока не знаю.

Они открыли файл на отдельном рабочем терминале.

Это был скан одного листа, вырванного из лабораторного журнала. В верхней части стояла дата: за день до пожара в Orpheus. Ни подписи, ни печати. Только таблица с несколькими параметрами и короткий текст, напечатанный внизу страницы.

Первичный канал — подтверждён.

Вторичный канал — подтверждён.

Субъект M.Q. — перенос завершён.

Субъект D.W. — воспроизведение подтверждено.

Слоун читала строки медленно.

Роуэн первым нарушил молчание.

— D.W. — Дэниел Рен.

— Возможно.

— Здесь прямо указано, что воспроизведение подтверждено.

— Да.

— Значит, его воспоминание могли перенести.

Слоун покачала головой.

— Значит, кто-то утверждал, что воспроизведение подтверждено. Это разные вещи.

— Вы сами говорили, что в отчёте стояла отметка о неподтверждённом исходном канале.

— Именно. И если этот документ настоящий, он может объяснить, почему в моём отчёте отсутствовали данные о происхождении воспоминания. Но мы пока не знаем, кто составлял журнал и что именно означают эти параметры.

Она увеличила нижнюю часть страницы.

Рядом с отметкой о воспроизведении стояла маленькая цифра семь, обведённая карандашом. Под ней было написано два слова:

Не повторять.

Роуэн посмотрел на неё.

— Похоже на предупреждение.

— Да.

— Предупреждение о чём?

Слоун не ответила.

Она думала о фразе из предыдущего изображения: «Повторная проверка запрещена». Теперь формулировка повторялась в другом документе, датированном тем же периодом.

Кто-то несколько раз оставлял одну и ту же мысль в разных материалах.

Не повторять.

Не проверять повторно.

Не возвращаться к исходному каналу.

— Мы должны выяснить, кто составил этот журнал, — сказала она. — И найти оригинал.

Роуэн кивнул.

— Я запрошу материалы проекта Continuity у прокуратуры и архивного отдела. Но если документ нигде не зарегистрирован, поиск может занять время.

— Тогда начнём с тех, кто имел доступ к системе.

Она посмотрела на последнюю строку таблицы.

Субъект D.W. — воспроизведение подтверждено.

Впервые за двенадцать лет у неё появилась возможность понять, что именно проверяли в экспертизе Дэниела Рена.

Возможно, запись не доказывала, что он совершил преступление.

Возможно, она доказывала, что он способен воспроизвести событие, которого никогда не переживал.

Но оставался вопрос, который никто пока не задал.

Если перенос воспоминания завершили за день до пожара, кто был первым человеком, который его вспомнил?

И что случилось с памятью того, кто пережил событие на самом деле?

Слоун закрыла документ.

— Роуэн, — сказала она.

— Да?

— Мы больше не ищем только убийцу Адриана Вейла.

— Я это понял.

— Нет. Я хочу, чтобы вы поняли другое. Кто-то пытается направлять нас к конкретным материалам. Возможно, это человек, который хочет раскрыть старое преступление. Возможно, тот, кто его совершил. До тех пор, пока мы не установим источник сообщений, каждую подсказку нужно проверять так, словно она может быть ловушкой.

Хейл посмотрел на скан.

— Тогда кто бы это ни был, ему придётся оставить настоящий след.

Слоун вспомнила фотографию комнаты, ведомость седьмого считывателя, подпись Адриана и анонимные сообщения, которые поступали с точностью, почти исключавшей случайность.

— Настоящий след, — повторила она. — Не обязательно тот, который он хочет нам показать.

Роуэн выключил экран.

В коридоре прозвучали шаги. Кто-то остановился возле двери, постучал и передал Хейлу конверт из канцелярии.

На нём стояла отметка о срочном запросе.

Детектив вскрыл его, пробежал глазами первую страницу и нахмурился.

— Что там? — спросила Слоун.

Он протянул ей документ.

Это был ответ на запрос о сохранении архивных материалов Mnemos.

Компания подтверждала, что все доступные записи по проекту Continuity будут сохранены до завершения проверки. Но в приложении имелась оговорка: часть исторических данных была перенесена на отдельный носитель и не входит в действующую цифровую систему.

Ответственным за передачу этих материалов в закрытое хранилище значился Адриан Вейл.

Дата передачи — четыре месяца после пожара.

Та же неделя, когда он передал в судебный архив ведомость седьмого считывателя.

Слоун положила документы рядом с копией старого заключения.

Теперь совпадение было слишком точным, чтобы его игнорировать.

Адриан не просто хранил материалы Orpheus. Он сознательно отделил часть записей от основного архива и передал их в закрытое хранилище, где доступ контролировался отдельно.

А значит, даже если все копии были уничтожены, оригинал мог существовать до сих пор.

— Нам нужен список людей, которые имели доступ к этому хранилищу, — сказала Слоун.

Роуэн уже набирал номер прокурора.

Она снова посмотрела на отметку в старом заключении.

Исходный канал: не подтверждён.

Двенадцать лет назад эта строка казалась технической оговоркой.

Теперь она выглядела как предупреждение, которое никто не захотел прочитать.

И если Адриан Вейл действительно сохранил оригинал, то где-то существовал материал, способный наконец ответить на главный вопрос дела Дэниела Рена.

Не кто совершил преступление.

А кто впервые увидел его в собственной памяти.

Глава 7. Архив вне архива

В 14:36 Роуэн Хейл получил разрешение на осмотр закрытого хранилища Mnemos Archive.

Документ занимал четыре страницы. На первой перечислялись основания для доступа, на второй — категории материалов, подлежащих сохранению, на третьей стояли подписи прокурора и представителя компании. Четвёртая содержала перечень ограничений, которые Генри Колдуэлл настоял включить в окончательную редакцию.

Слоун прочитала последний абзац дважды.

— Они оставили за собой право присутствовать при осмотре.

— Это их собственность, — ответил Роуэн, убирая бумаги в папку. — Они имеют право контролировать доступ к корпоративным материалам, если не препятствуют расследованию.

— Они имеют право присутствовать при проверке оборудования. Но я не хочу, чтобы кто-то из сотрудников Mnemos выбирал, какие файлы нам показывать.

— Колдуэлл утверждает, что архивные данные не будут изменяться.

— А вы ему верите?

— Я верю, что юрист не станет письменно обещать то, за что компания не готова отвечать.

Слоун подняла глаза.

— Это не совсем то же самое.

— Я знаю.

Он не улыбнулся. За последние несколько часов Роуэн стал выглядеть старше, чем утром. На столе возле его локтя стоял холодный кофе, а верхняя пуговица рубашки была расстёгнута. Он несколько раз пытался дозвониться до прокурора, согласовывал запросы, разговаривал с архивистами и добился временного сохранения старых серверных журналов. Теперь им предстояло добраться до материалов, которые Адриан Вейл вывел из основной системы двенадцать лет назад.

Если документы Mnemos были верны, часть закрытых материалов проекта Continuity хранилась отдельно от действующего архива.

Их не было в обычных каталогах.

Они не открывались через стандартный интерфейс.

Их нельзя было обнаружить обычным поиском.

Но передача материалов была зарегистрирована, а значит, где-то существовало описание того, что именно Адриан решил сохранить.

— Нам нужно знать, кто ещё мог получить доступ к хранилищу, — сказала Слоун.

— Я запросил список. Пока компания предоставила три имени: Адриан Вейл, Джулиан Кросс и руководитель закрытого архивного направления.

— Селест Вейл.

— Да.

Слоун посмотрела на свою копию списка.

— Почему только три?

— Компания утверждает, что остальные сотрудники имели технические полномочия, но не право просматривать содержимое.

— Кто это подтвердил?

— Колдуэлл.

— Тогда это не список тех, кто имел доступ. Это список тех, кого компания решила указать.

Роуэн забрал бумаги и поднялся.

— Поэтому мы и едем туда лично.

Хранилище находилось за пределами центральной части Астервика, на территории бывшего исследовательского комплекса, который Mnemos приобрела почти десять лет назад.

С улицы он выглядел заброшенным. Серые корпуса, ограда с колючей проволокой, редкие фонари и длинная дорога, уходившая между пустыми зданиями. На воротах не было названия компании. Только небольшой номер объекта и табличка, предупреждавшая о круглосуточном видеонаблюдении.

За оградой виднелось низкое здание без окон на первом этаже.

— Они хранят человеческие воспоминания в подвале без окон? — спросила Слоун, когда автомобиль остановился возле пропускного пункта.

— По крайней мере, не под деревьями, — ответил Роуэн.

Она посмотрела на него.

— Вы пытаетесь меня успокоить?

— Я пытаюсь не думать о том, что именно находится внутри.

У ворот их встретил охранник в тёмной форме. Он проверил удостоверения, позвонил дежурному администратору и попросил подождать. Через несколько минут калитка открылась.

Внутри комплекса было необычайно тихо.

Дорожки очищали от листьев. Возле стен стояли контейнеры для технического оборудования, а над служебными дверями горели зелёные индикаторы. Ни рабочих, ни грузовиков, ни привычной суеты промышленной площадки не наблюдалось.

Зато камеры были повсюду.

Слоун насчитала шесть на одном только фасаде.

— Кто управляет этим объектом? — спросила она.

— Архивный департамент Mnemos. Здесь хранятся резервные копии старых коллекций, физические носители и материалы, которые по юридическим причинам нельзя включать в основной цифровой архив.

— Значит, если человек хочет сохранить запись вне общей системы, он может отправить её сюда.

— При наличии соответствующего разрешения.

— И если у него достаточно полномочий.

— Да.

Они вошли в здание через служебный проход.

Внутри их встретил мужчина лет пятидесяти с небольшими очками в тонкой металлической оправе. Его светлые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а серый костюм выглядел слишком формальным для человека, работающего в помещении без окон.

— Детектив Хейл? Доктор Мерсер? Меня зовут Артур Белл. Я управляю этим хранилищем.

Он пожал им руки и проверил разрешение.

— Юридический отдел сообщил о вашем приезде. Мы подготовили материалы, перечисленные в запросе. Однако хочу заранее предупредить: часть архивов была перенесена на носители старого формата. Их чтение требует отдельной процедуры.

— Какой именно? — спросила Слоун.

— Восстановление исходной среды. Мы не можем просто подключить носитель к современной системе и открыть файл. Некоторые архивы используют собственные протоколы проверки целостности. Если нарушить их последовательность, данные могут стать недоступными.

— Они могут быть повреждены?

— Теоретически. Поэтому мы работаем с копиями, если они существуют. Но в случае старых закрытых коллекций оригинал иногда оказывается единственным сохранившимся экземпляром.

— Кто определяет, есть ли копия?

— Архивная система. И ответственный сотрудник.

— То есть человек.

Белл посмотрел на неё поверх очков.

— В конечном счёте — да.

Роуэн предъявил разрешение.

— Нам необходим полный перечень материалов, переданных сюда Адрианом Вейлом после пожара в Orpheus. Также нужны журналы доступа, записи перемещения и сведения о всех сотрудниках, которые могли работать с этими материалами.

Белл внимательно прочитал документ.

— Я могу предоставить вам каталог и историю операций. Но просмотр отдельных записей будет согласовываться с юридическим отделом.

— В разрешении сказано, что мы имеем право проводить необходимые проверки в рамках расследования.

— Я не оспариваю разрешение, детектив. Я объясняю внутреннюю процедуру. Некоторые материалы содержат личные данные людей, не имеющих отношения к делу. Мы обязаны защитить их от раскрытия.

— Тогда покажите нам каталог, а вопрос об отдельных записях решим после ознакомления.

Белл кивнул.

— Разумеется.

Он провёл их по коридору к лифту. На панели не было обозначений этажей. Белл приложил пропуск, ввёл длинный код и только после этого выбрал нижний уровень.

Лифт начал спускаться.

Слоун посмотрела на индикатор.

Минус один.

Минус два.

Минус три.

На минус четвёртом уровне лифт остановился, но двери не открылись. Белл приложил пропуск ещё раз. Раздался короткий сигнал, и только после него двери разошлись.

— Сколько здесь уровней? — спросил Роуэн.

— Четыре подземных и два технических, — ответил Белл.

— Почему их нет на общей схеме здания?

— Потому что общая схема предназначена для посетителей и сотрудников, которым не требуется доступ к хранилищу.

Слоун посмотрела на него.

— Вы часто используете такую формулировку?

— Какую?

— «Не требуется доступ».

Белл не ответил.

Впереди находилась металлическая дверь с небольшой панелью идентификации. За ней начинался узкий коридор, освещённый холодным белым светом. По обеим сторонам располагались двери без окон, обозначенные кодами и датами.

Никаких имён.

Никаких названий коллекций.

Только номера.

Белл остановился у помещения с обозначением А-00.

— Здесь хранятся материалы, переданные Адрианом Вейлом после закрытия проекта Orpheus.

— Все материалы? — спросила Слоун.
— Согласно первоначальной ведомости, да.
— А согласно нынешней?
— Сейчас мы это проверим.
Он приложил пропуск к панели.
Замок щёлкнул.

Помещение оказалось небольшим, но высоким. Вдоль стен стояли металлические стеллажи с запечатанными контейнерами. В центре находился рабочий стол с оборудованием для чтения старых носителей. На потолке располагались камеры, а возле двери — ещё одна панель доступа.

Слоун сразу заметила, что одна из секций стеллажа пустует.

На пыльной поверхности остался прямоугольный след, будто контейнер стоял там много лет, а затем его убрали.

Она подошла ближе.

— Что здесь хранилось?

Белл посмотрел на пустую секцию.

— Нужно проверить каталог.

— Вы не знаете?

— Здесь тысячи носителей. Я не могу помнить каждую позицию.

— Но вы управляете хранилищем.

— Именно поэтому я и проверяю каталог, прежде чем отвечать.

Он вернулся к рабочему терминалу.

Роуэн встал рядом.

— Мы хотим получить инвентарную ведомость по коллекции Orpheus.

Белл ввёл код, и на экране появилась таблица.

Первоначально в хранилище поступило девятнадцать контейнеров.

Через год их стало восемнадцать.

Затем число оставалось неизменным почти восемь лет.

В последней записи значилось семнадцать.

Слоун указала на экран.

— Когда исчез второй контейнер?

— Я не сказал, что он исчез. Возможно, его переместили в другой сектор.

— Где запись о перемещении?

Белл открыл историю операций.

— Сейчас посмотрим.

На экране появились строки с датами, номерами сотрудников и краткими описаниями действий. Большинство операций были стандартными: проверка целостности, смена упаковки, техническое обслуживание, перемещение между стеллажами.

Но две записи выделялись.

Одна относилась к первому контейнеру, отсутствовавшему в первоначальном каталоге, и содержала отметку о передаче в другой сектор.

Вторая была связана с контейнером А-00-07.

В графе операции стояло: **временное изъятие**.

В графе получателя — пустота.

В графе возврата — отметка, что носитель был возвращён на место.

Однако не было ни подписи сотрудника, ни номера разрешения.

Слоун перечитала строку.

— Кто изымал этот контейнер?

Белл увеличил запись.

— Здесь отсутствует идентификатор пользователя.

— Но система зарегистрировала сам факт изъятия.

— Да.

— Когда это произошло?

Он сверился с временной меткой.

— Три дня назад.

Роуэн резко повернулся к нему.

— Три дня назад?

— Да.

— Вы хотите сказать, что контейнер, связанный с делом Orpheus, изымали из хранилища за три дня до смерти Адриана Вейла?

— Я говорю, что система фиксирует временное изъятие носителя под номером А-00-07. Но без идентификатора пользователя мы не можем установить, кто его забрал.

— А кто вернул?

— Тоже неизвестно.

— Вы не считаете это нарушением?

Белл снял очки и осторожно протёр их салфеткой.

— Считаю. Но не могу сказать, произошло ли физическое перемещение или запись была создана в результате технической операции.

Слоун посмотрела на пустую секцию стеллажа.

— Тогда нам нужно проверить контейнер.

Белл кивнул.

Он нашёл номер А-00-07 в каталоге и открыл карточку материала.

В описании значилось:

Содержимое: исходный нейронный канал.

Ниже располагалась служебная пометка:

Экспорт запрещён. Воспроизведение только при подтверждённом исходном протоколе.

Слоун почувствовала, как напряглись плечи.

Она уже видела эту формулировку.

Не полностью, но достаточно, чтобы узнать принцип.

Исходный канал.

Не подтверждён.

Не повторять.

В документах Orpheus эти выражения встречались разрозненно, будто принадлежали разным системам. Теперь они оказались связаны с конкретным контейнером.

— Что означает «исходный нейронный канал» в вашем каталоге? — спросила она.

Белл вернул очки на место.

— Это термин из старого протокола хранения. Он обозначает первичную запись, полученную до формирования производных копий.

— То есть оригинал?

— В некотором смысле.

— В каком именно?

— Оригинал здесь не обязательно означает запись конкретного человека. Это может быть первичный поток данных, который использовали для дальнейшей обработки. Если поток был создан в ходе эксперимента, он может содержать несколько источников, синхронизированных в одной системе.

Слоун посмотрела на Роуэна.

Он ничего не сказал, но по его лицу она поняла, что он тоже заметил противоречие.

— В карточке указано, что контейнер нельзя экспортировать, — сказала она. — Почему?
— Потому что он хранит данные в протоколе, который невозможно полностью воспроизвести вне исходной среды.

— Но вы можете проверить его целостность?

— Да.

— И определить, когда он был создан?

— Если в заголовке сохранилась метка времени.

— А можно установить, кто участвовал в создании записи?

Белл не ответил сразу.

— Иногда.

— От чего это зависит?

— От того, какие данные были включены в исходный протокол.

— В этом случае?

Он посмотрел на экран.

— Здесь указано, что идентификаторы участников отсутствуют.

Слоун почувствовала знакомое раздражение.

Каждый ответ открывал новую дверь, за которой находилась ещё одна неизвестная.

— Почему они отсутствуют?

— Я не могу сказать. Материал поступил к нам в таком виде.

— Вы проверяли его после поступления?

— Да.

— Кто именно?

— В журнале указан ответственный сотрудник.

Белл открыл предыдущую версию карточки.

В нижней части страницы появилась фамилия:

Adrian Vale.

Слоун некоторое время смотрела на неё.

— Он лично проверял этот контейнер?

— Согласно записи, он подтвердил его целостность при передаче.

— А вы проверяли её повторно?

— Нет. До настоящего момента запросов на воспроизведение не поступало.

— Но кто-то изымал контейнер три дня назад.

— Именно.

Роуэн наклонился к экрану.

— Нам нужно узнать, какой именно материал находится внутри.

— Я могу проверить заголовок носителя, — сказал Белл. — Но для полной диагностики потребуется восстановить исходную среду. Это займёт несколько часов, а возможно, и больше.

— Начинайте, — сказал Хейл.

— Я должен согласовать процедуру с юридическим отделом.

Роуэн достал разрешение и положил его на стол.

— Здесь прямо указано право следствия проверять материалы, потенциально связанные с убийством. Вы можете начать процедуру, пока я связываюсь с прокурором.

Белл прочитал документ ещё раз.

— Хорошо. Но я хочу, чтобы вы понимали: если носитель повреждён, восстановить его содержимое может оказаться невозможно.

— Мы понимаем, — ответила Слоун. — Именно поэтому не собираемся открывать его самостоятельно.

Белл вызвал техника.

Пока тот готовил оборудование, Слоун отошла к стеллажам. Она изучала маркировку контейнеров, стараясь понять, по какому принципу их расположили. Некоторые номера были проставлены последовательно, другие явно относились к отдельным партиям. Контейнеры с маркировкой Orpheus занимали всего одну секцию, но рядом хранились материалы, поступившие из других исследовательских учреждений.

На одном из них стояла дата, совпадавшая с годом пожара.

Слоун записала номер.

— Что вы нашли? — спросил Роуэн.

— Пока ничего. Но я хочу проверить, нет ли среди соседних контейнеров других материалов того же периода.

— Почему?

— Потому что если кто-то разделит исходный канал на несколько частей, они могли поступить в хранилище как разные объекты. А если содержимое не имело идентификаторов участников, установить их связь можно только по техническим совпадениям.

— Вы предполагаете, что контейнер A-00-07 содержит воспоминание Мары Куинн?

— Я предполагаю, что мы пока не знаем, что он содержит. Именно поэтому хочу посмотреть соседние записи.

Роуэн кивнул.

Техник вернулся с небольшим металлическим кейсом. Внутри находилось устройство, внешне напоминавшее старый лабораторный считыватель. Чёрный корпус был покрыт мелкими царапинами, а на одном углу виднелся след ремонта.

Слоун подошла ближе.

— Это оборудование использовали для работы с такими носителями?

— Нет, — ответил Белл. — Это адаптер, который позволяет считывать старые протоколы.

Сам носитель будет подключён внутри защищённого блока.

Техник снял контейнер с полки, сверил номер и осмотрел пломбу.

— Здесь проблема, — сказал он.

Белл подошёл к нему.

— Какая?

— Пломба заменена.

Слоун почувствовала, как холодеют пальцы.

На корпусе контейнера действительно находилась узкая защитная лента. Она была похожа на старую, но отличалась по цвету и типу печати.

— Что это означает? — спросил Роуэн.

— Первоначальная пломба была снята или повреждена. Затем поставили новую.

— Есть запись о замене?

Белл быстро проверил каталог.

— Нет.

— Значит, кто-то вскрывал контейнер?

— Либо он был вскрыт, либо пломбу заменили по технической причине, которую не зарегистрировали.

— Вы опять предлагаете нам две версии, — сказал Хейл.

— Потому что обе возможны.

Слоун смотрела на контейнер.

— Проверьте номер пломбы.

Техник считал код сканером и ввёл его в систему.

На экране появилось сообщение:

Пломба зарегистрирована. Дата установки — текущая.

Он проверил ещё раз.

— Пломба действительно новая. Она была зарегистрирована три дня назад.
Роуэн медленно повернулся к Беллу.

— В тот же день, когда контейнер временно изымали?

— Да.

— И вы не обратили на это внимания?

— Я не видел записи об изъятии. Система не отправляла уведомления, потому что идентификатор пользователя отсутствовал. А замена пломбы была зарегистрирована как техническая операция.

Слоун посмотрела на карточку контейнера.

Три дня назад кто-то получил доступ к материалу, который двенадцать лет хранился вне основной системы. Затем контейнер вернули на место, заменили пломбу и не оставили имени человека, выполнившего операцию.

А через несколько дней Адриана Вейла нашли мёртвым.

Это могло означать, что кто-то пытался уничтожить следы.

Или что кто-то хотел, чтобы следствие обнаружило именно эту запись.

— Мы должны установить, кто зарегистрировал новую пломбу, — сказала Слоун.

— Операция выполнена под служебным профилем хранилища, — ответил Белл. — Но я проверю журнал авторизации.

Он открыл расширенную историю событий.

Несколько секунд экран оставался пустым, затем появилась запись.

Операция: замена пломбы.

Ответственный профиль: ARCHIVE-SERVICE.

Подтверждение: A.VALE.

Слоун прочитала строку вслух.

— Подтверждение Адриана Вейла?

— Так указано в системе, — сказал Белл.

Роуэн подался вперёд.

— Адриан был здесь три дня назад?

— Согласно журналу доступа, его пропуск не использовался.

— Но операция подтверждена его профилем.

— Да.

— Можно было использовать его учётные данные без физического присутствия?

Белл помедлил.

— В некоторых случаях. Для исторических материалов действуют отдельные процедуры удалённого подтверждения.

— Кто мог воспользоваться этой процедурой?

— Пользователь с правом подтверждения и сотрудник, выполняющий операцию.

— А кто имеет право подтверждать такие действия?

Белл посмотрел на список полномочий.

— Адриан Вейл. Джулиан Кросс. Селест Вейл. И я.

— Вы подтверждали замену пломбы?

— Нет.

— Джулиан Кросс?

— Я не могу сказать без проверки.

— Селест Вейл?

Белл молча изучил экран.

— Запрос был подтверждён профилем Адриана Вейла, — повторил он.

Роуэн закрыл глаза мгновение.

— Это мы уже поняли. Я спрашиваю, кто мог использовать его полномочия.

— Любой из перечисленных сотрудников, если у него был доступ к механизму подтверждения.

Слоун взглянула на часы.

14:58.

Адриан был найден мёртвым утром. Но никто пока не мог установить точное время смерти с достаточной уверенностью. Последняя зарегистрированная активность его пропуска произошла в 01:41, однако запись не доказывала, что именно тогда он был жив.

Если подтверждение операции выполнили после его смерти, кто-то использовал его учётные данные.

Если же операцию провели раньше, контейнер мог содержать материал, который Адриан хотел получить или уничтожить.

Оба варианта были плохими.

— Проверьте время подтверждения, — сказала она.

Белл открыл полную запись.

На экране появились дата и время.

02:14.

В комнате стало тихо.

Слоун медленно посмотрела на Роуэна.

Это было то же время, которое она видела в другом документе — в записи о закрытом сеансе, связанном с архивом Адриана. И примерно через полчаса после последнего подтверждённого действия его личного пропуска.

— Вы уверены, что это время операции, а не время синхронизации? — спросила она.

Белл проверил технические свойства записи.

— Система указывает локальное время выполнения операции.

— Можно ли изменить временную метку задним числом?

— Теоретически можно подделать отдельные журналы, но здесь событие записано в независимый контур. Чтобы изменить его, потребовался бы доступ к административной системе и ключ подписи.

— У кого есть такой доступ?

— У нескольких сотрудников центрального управления.

— Среди них Джулиан Кросс?

— Да.

— И Селест Вейл?

— Да.

— А Малкольм Рид?

Белл покачал головой.

— Малкольм отвечает за физическую безопасность башни Mnemos, но не управляет этим хранилищем. У него нет обычного права подписывать архивные операции.

Слоун записала ответ.

— Можно установить, откуда поступило подтверждение?

— Только до уровня корпоративного шлюза. Запрос пришёл из центральной сети Mnemos.

— Не из этого здания?

— Нет.

— Тогда нам нужны журналы центральной сети за это время, — сказал Роуэн. — И все операции, которые выполнялись под профилем Адриана Вейла в промежутке с полуночи до рассвета.

Белл кивнул.

— Я направляю запрос.

— Не направляйте. Сохраните журналы и передайте их по официальному каналу. Мы получим необходимые разрешения.

Белл согласился и вернулся к терминалу.

Техник тем временем снял контейнер с устройства и поместил его в защищённую камеру для дальнейшей проверки. Он не открывал его полностью, а лишь подключил внешние контакты к считывающему модулю. На экране появились строки диагностических данных.

Слоун стояла рядом, не отрывая взгляда от монитора.

Сначала отображалась только техническая информация: версия протокола, состояние памяти, параметры целостности. Затем появилась строка, которую она не ожидала увидеть.

Первичный канал: активен.

Следом:

Производные каналы: 5.

Слоун наклонилась ближе.

— Остановите, — сказала она.

Техник убрал руку с панели.

— Что-то не так?

— Вернитесь на предыдущий экран.

Он выполнил команду.

Слоун изучила технический заголовок, затем снова открыла предыдущую запись.

— Пять производных каналов, — произнесла она. — Не пять файлов. Пять каналов, сформированных из одного источника.

Роуэн посмотрел на неё.

— Это означает, что воспоминание разделили на пять частей?

— Не обязательно. Каналы могут обозначать отдельные производные потоки. Чтобы понять, что именно это означает в старом протоколе, нам потребуется полная спецификация.

— Но это может быть связано с пятью подозреваемыми.

— Может. Но пока не связывайте эти вещи напрямую.

Она снова посмотрела на экран.

Пять производных каналов.

Пять людей, чьи алиби содержали один и тот же аудиофрагмент.

Пять записей, в которых повторялись три ноты.

Совпадение было слишком заметным, чтобы отмахнуться от него. Но именно поэтому Слоун боялась принять его за готовое объяснение.

Кто-то мог намеренно создать такую связь, чтобы следствие пришло к определённому выводу.

— Сохраните полный диагностический отчёт, — сказала она технику. — Ничего не воспроизводите до получения разрешения на исследование содержимого.

— Разумеется.

Роуэн отошёл в сторону и позвонил прокурору.

Слоун осталась возле оборудования.

На экране всё ещё горели две строки:

Первичный канал: активен.

Производные каналы: 5.

Она подумала, что если исходная запись действительно хранилась здесь двенадцать лет, Адриан мог использовать её, чтобы доказать, что чужое воспоминание было перенесено в сознание Дэниела Рена. Возможно, он нашёл способ связать эксперимент с пятью людьми, которые теперь оказались в центре расследования.

Но оставался вопрос: зачем кому-то было нужно сохранять исходный канал в таком виде, если его нельзя было экспортировать или воспроизвести обычным способом?

И почему на контейнере отсутствовали идентификаторы участников?

— Доктор Мерсер.

Слоун обернулась.

Белл стоял у терминала с новым распечатанным отчётом.

— Я нашёл ещё одну запись.

— Какую?

Он положил лист перед ней.

В журнале операций значилось, что контейнер А-00-07 проходил проверку целостности трижды за последние двенадцать лет.

Первая проверка состоялась при поступлении.

Вторая — через два года.

Третья — за четыре дня до смерти Адриана Вейла.

Слоун посмотрела на дату.

За день до первого анонимного сообщения.

— Кто инициировал проверку? — спросила она.

Белл указал на строку.

— Запрос поступил из Mnemos Archive. Подтверждение было выполнено через профиль Адриана Вейла.

— Он имел право проверять контейнер?

— Да.

— Почему проверка не отражена в основной системе?

— Потому что это автономное хранилище. Данные не синхронизируются с центральным архивом без специального разрешения.

Слоун подняла глаза.

— Значит, кто-то должен был знать, что контейнер существует.

— Да.

— И знать, как обратиться к нему напрямую.

— Да.

Она посмотрела на Роузну.

Детектив закончил разговор и вернулся к ним.

— Прокурор разрешил нам продолжить осмотр, но полноценное извлечение содержимого потребует отдельного постановления. На сегодня можем получить технический отчёт и все журналы доступа.

— Хорошо, — сказала Слоун. — Этого достаточно.

Она снова обратилась к Беллу:

— Я хочу узнать, кто инициировал проверку за четыре дня до смерти Адриана. Мне нужен исходный запрос, включая технические данные, сведения об устройстве и полномочиях пользователя.

— Я подготовлю.

— И ещё. Кто-то временно изымал контейнер три дня назад. Мне нужны все записи с камер наблюдения, которые охватывают этот сектор.

— Камеры не направлены непосредственно на внутреннюю часть хранилища.

— Тогда покажите мне, что они фиксировали.

Белл согласился.

Пока он собирал данные, Слоун ещё раз прошла вдоль стеллажей. Пустая секция по-прежнему выделялась на фоне остальных. Она посмотрела на пыльный прямоугольник, затем на соседний контейнер.

Маркировка на нём начиналась с тех же символов.

А-00-06.

Она открыла его карточку.

В описании значилось:

Содержимое: контрольная запись.

Дата поступления совпадала с датой передачи материалов Orpheus.

В графе связи с другими объектами было указано:

Связанный канал: А-00-07.

Слоун перечитала строку.

— Роуэн.

Он подошёл.

— Что ещё?

Она показала ему экран.

— У нас есть ещё один контейнер, связанный с А-00-07. Он хранит контрольную запись.

— Можно её проверить?

— Не без разрешения на извлечение. Но нам нужно запросить его отдельно. Если А-00-07 содержит первичный канал, контрольная запись может объяснить, как его проверяли.

Роуэн посмотрел на Белла.

— Подготовьте запрос на оба контейнера. Мы не будем извлекать содержимое, пока не получим необходимые разрешения, но хотим сохранить всю техническую информацию.

Белл кивнул.

— Я подготовлю документы к концу дня.

Слоун закрыла карточку.

Они получили больше, чем рассчитывали, но теперь вопрос о содержимом контейнера стал центральным. Не потому, что он непременно хранил ответ, а потому, что кто-то предпринял конкретные действия, чтобы получить к нему доступ незадолго до смерти Адриана.

И снова время имело значение.

Четыре дня до убийства — проверка целостности.

Три дня до убийства — временное изъятие.

Два часа четырнадцать минут в ночь убийства — подтверждение новой пломбы.

Кто-то возвращался к этому материалу снова и снова.

Возможно, Адриан.

Возможно, человек, который воспользовался его полномочиями.

Но теперь Слоун знала, где находится оригинал.

Они покинули хранилище после четырёх часов дня.

На улице снова пошёл дождь. Роуэн открыл автомобиль, сел за руль и некоторое время не заводил двигатель.

— Мы нашли оригинальный канал, — сказал он наконец.

— Мы нашли контейнер, в котором, согласно каталогу, находится первичный канал.

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Да.

Он включил обогреватель.

— Если записи связаны с пятью подозреваемыми, это может объяснить общий аудиофрагмент.

— Или дать кому-то возможность создать ложную связь между ними.

— Вы думаете, что нас намеренно направляют?

Слоун посмотрела на ограду комплекса.

— Я думаю, что человек, который знал о контейнере, мог понять, что мы рано или поздно его найдём. Поэтому я не собираюсь считать содержимое ответом, пока не узнаю, кто имел к нему доступ и что именно он пытался сделать.

— А если окажется, что внутри нет ничего полезного?

— Тогда мы хотя бы узнаем, что именно кто-то хотел нам показать.

Роуэн завёл двигатель.

В дороге Слоун просматривала технический отчёт, который Белл успел передать перед их уходом. В приложении находилась короткая последовательность операций, связанных с контейнером А-00-07.

Последняя запись была добавлена в день убийства.

В графе пользователя стоял не Адриан Вейл.

Не Джулиан Кросс.

Не Селест Вейл.

И не Артур Белл.

Вместо имени значился служебный идентификатор:

GUEST-07.

Ниже располагалась отметка:

Запрос отклонён. Исходный канал недоступен.

Слоун увеличила строку.

— Роуэн, посмотрите.

Он бросил взгляд на экран, не отрывая рук от руля.

— Что это?

— В ночь убийства кто-то пытался обратиться к контейнеру. Система отклонила запрос.

— Когда?

Она проверила временную метку.

02:17.

Три минуты после подтверждения новой пломбы.

Слоун медленно убрала телефон.

— Нам нужно узнать, кто такой GUEST-07.

— Я отправлю запрос Беллу.

— Не только ему. Проверьте, существует ли такой идентификатор в основной системе Mnemos и в старых журналах Orpheus.

— Вы думаете, он мог использоваться двенадцать лет назад?

— Не знаю. Но если имя не зарегистрировано, это ещё не значит, что его никогда не существовало.

Роуэн свернул на проспект, ведущий к центру города.

Несколько минут они ехали молча.

Затем Слоун открыла изображение анонимной фотографии и увеличила участок возле треснувшего прибора. В свете экрана прибор казался почти обычным — металлический корпус, несколько разъёмов, следы ремонта. Но рядом с его основанием теперь можно было различить маленькую наклейку.

На ней стояло семь.

Не NS-7.

Не S-7.

Просто цифра.

Слоун закрыла изображение и посмотрела в окно.

Она всё ещё не знала, кто убил Адриана Вейла. Не знала, кем была Мара Куинн, что произошло в седьмой комнате и почему все официальные документы выглядели так, словно их составляли разные люди, пытавшиеся описать разные события.

Но теперь у расследования появился новый факт.

В ночь убийства кто-то пытался обратиться к исходному каналу.

Система отказала.

И этот кто-то использовал идентификатор, которого не было в списке пользователей.

Возможно, это был технический сбой.

Возможно, ошибка старой системы.

А возможно, впервые за двенадцать лет кто-то попытался получить доступ к воспоминанию, которое не принадлежало ни одному зарегистрированному человеку.

Слоун записала идентификатор в блокнот.

GUEST-07.

Затем, не зная почему, обвела его дважды.

И рядом написала:

Установить, кто пытался войти.

Глава 8. Гостевой профиль

Первое, что выяснил Нолан Прайс утром следующего дня, было то, что GUEST-07 не являлся именем пользователя.

Второе — что система не должна была принимать его ни при каких обстоятельствах.

Третье он предпочёл сначала не озвучивать.

— Мне нужно, чтобы вы посмотрели на это сами, — сказал он, когда Слоун вошла в кабинет цифровой криминалистики.

На большом экране была открыта схема внутренней сети Mnemos Archive. Цветные линии соединяли центральные серверы с рабочими станциями, архивными терминалами и резервными хранилищами. Большинство узлов имели номера, названия и сведения о последних подключениях. Один участок схемы был выделен серым.

Под ним стояла надпись:

RESTORE-04. Выведен из эксплуатации.

Слоун поставила сумку на стул.

— Что это?

— Рабочая станция для восстановления старых архивных записей. Её использовали до обновления системы. Восемь лет назад отключили от основной сети, но физически не демонтировали.

— Почему?

— Потому что на ней хранились инструменты для работы с протоколами, которые больше не поддерживались. Удаление станции могло привести к потере совместимости с некоторыми архивными носителями.

— Кто имел к ней доступ?

Прайс вывел на экран ещё одно окно.

— По последним действующим правилам — никто из обычных пользователей. Станция отключена. Запуск возможен только через технический порт, расположенный в сервисном шкафу на сорок первом этаже.

Слоун посмотрела на схему.

— Значит, кто-то должен был физически подключиться к порту?

— Да. Либо использовать устройство, которое уже было подключено. Но согласно акту обслуживания, кабель сняли при консервации станции.

— Когда?

— Восемь лет назад.

— Кто это подтвердил?

— Малкольм Рид.

Она медленно повернулась к нему.

— Сам?

— Да. В акте стоит его подпись.

Слоун сняла пальто и повесила его на спинку кресла.

— Покажите временную последовательность.

Прайс открыл журнал событий, полученный от технической службы Mnemos по официальному запросу. На экране появились три строки.

01:58 — доступ к сервисному шкафу.

02:11 — активация RESTORE-04.

02:17 — запрос GUEST-07.

Последняя запись совпадала с той, которую они обнаружили в журнале хранилища.

— Между открытием шкафа и запуском станции прошло тринадцать минут, — сказала Слоун.

— Да.

— Система зафиксировала, кто открыл шкаф?

— Нет. В старом контуре использовался физический ключ без персональной идентификации.

— Кто имел такой ключ?

Прайс вывел список.

Три фамилии.

Malcolm Reed.

Julian Cross.

Celeste Vale.

Слоун долго смотрела на экран.

— Три человека из нашего списка подозреваемых.

— Да. Но ключи могли копировать, передавать или оставлять в доступном месте. Система не позволяет определить, кто именно воспользовался конкретным экземпляром.

— А видеозапись?

— Камера в коридоре работала. Но в промежутке с 01:56 до 02:03 изображение отсутствует.

Слоун медленно выдохнула.

— Семь минут.

— Да.

— Сколько ещё раз мы будем сталкиваться с семиминутными промежутками?

Прайс посмотрел на неё.

— Вы считаете это связанным с записью Адриана?

— Пока я считаю это повторяющейся деталью, которую нужно проверить.

Он открыл следующий файл.

В отличие от обычных журналов, запись о запуске RESTORE-04 не содержала имени пользователя. Система зарегистрировала физическое подключение, проверку интерфейса и отправку запроса, но не смогла определить источник команды.

— GUEST-07 — это не учётная запись, — пояснил Прайс. — Это класс подключения для оборудования, которое не имеет собственного идентификатора в действующей системе. Когда старое устройство подключается к совместимому терминалу, оно получает временный гостевой профиль.

— Значит, запрос мог исходить от внешнего устройства?

— Да. Но есть нюанс.

Он увеличил последнюю запись.

Команда: SOURCE/STATUS.

Результат: исходный канал недоступен.

Через несколько секунд после отказа система зарегистрировала вторую команду.

Команда: REPLAY/DERIVATIVES.

Результат: доступ запрещён.

Слоун прочитала обе строки ещё раз.

— Он хотел не просто проверить наличие записи, — сказала она.

— Похоже на то.

— Сначала запросил состояние исходного канала, затем попытался воспроизвести производные.

— Именно.

Она придвинулась к экрану.

— Значит, тот, кто отправил команду, знал, что у записи есть производные каналы. И знал, что обращаться к ним нужно через старый протокол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.